ТИХИЕ ОБИТЕЛИ

Рассказы о святынях

Владимир Михайлович Зоберн

Тихие обители. Рассказы о святынях

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6351855
Тихие обители. Рассказы о святынях / авт.-сост. Зоберн В. М.: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-67389-6

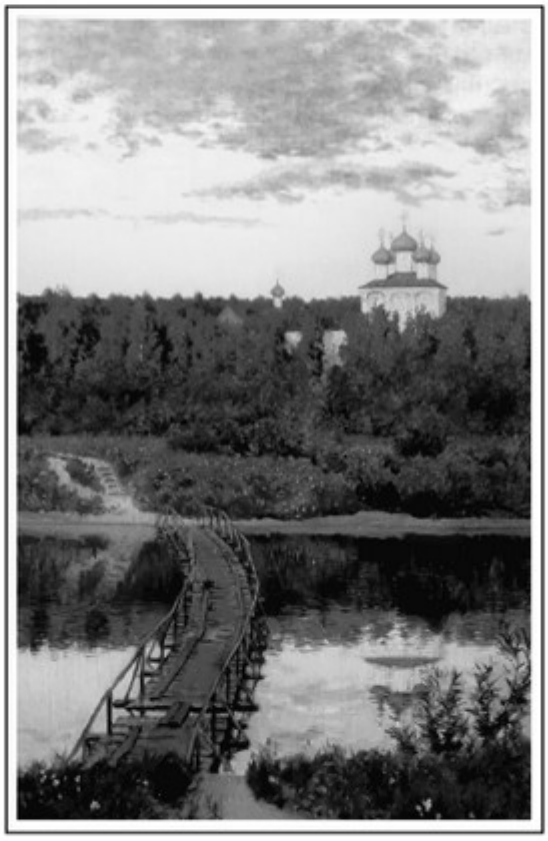
Аннотация

Эта книга посвящена наиболее известным святыням России. Читатель вместе с авторами сборника побывает в Оптиной пустыни, на Валааме, в Псково-Печерском монастыре, Троице-Сергиевой лавре. Он познакомится с историей этих древних святынь, поклонится нетленным мощам Божиих угодников, узнает о святых источниках с целебной водой.

Содержание

В.П. Быков. Оптина пустынь 5
История Оптиной пустыни 6
Игумен Моисей 13
Скит 20
Гостиницы 28
Храмы Оптиной пустыни 31
Братское кладбище 35
Больница 39
Иоанно-Предтеченский скит 43
Л.Н. Толстой в Оптиной пустыни 47
Старцы 49
Старец Иосиф и Л.Н. Толстой 87
Конец ознакомительного фрагмента. 98

ТИХИЕ ОБИТЕЛИ



Автор-составитель В. М. Зоберн
Тихие обители. Рассказы о святынях

В.П. Быков. Оптина пустынь

История Оптиной пустыни

Путнику во время переезда из Сергиева скита в Оптину пустынь на протяжении 109 верст, с пересадкой в Сухиничах, приходится претерпевать целый ряд самых досадных неудобств, в особенности, если он едет в третьем классе. Но как только он выйдет из вагона на станции Козельск и сядет пусть даже на самого плохого извозчика, то, отъехав от города, увидит в перспективе раскинувшуюся на бархате изумрудной зелени изумительную по своей красоте Оптину пустынь.

Колокольня в Оптиной пустыни

Оптина пустынь находится в трех верстах от Козельска, и, благодаря своим этнографическим условиям, совершенно изолирована от мира. С трех сторон она защищена от соседних селений дремучим лесом, настолько девственным, что в нем, благодаря строгому запрещению охоты, совершенно свободно располагается всякая дичь. Целыми гнездами живут цапли, и во время вечерней зари, когда еще не разлетался выводок, оглашают окрестность самым невообразимым, самым непередаваемым криком. Неосведомленный в этом направлении человек обыкновенно останавливается, не знает, на что подумать, и с нетерпением ждет первого встречного, чтобы выяснить причину и происхождение этих звуков. С четвертой, западной, стороны, почти у самых стен величественных храмов обители, течет неширокая, но очень глубокая, быстро бегущая речка Жиздра, приток Оки. По левому берегу Жиздры широким ковром раскинулся роскошный зеленый луг, который идет вплоть до большой дороги на Калугу и на котором кроме небольшой извилистой речки Клютомы, притока Жиздры, и нескольких небольших озер, красиво раскинулась чистенькая, нарядная, особенно летом, поддерживаемая обителью деревня Стенино.

Если же к этому добавить то, что через речку Жиздру существует только лишь одна переправа в пустынь на пароме, напротив самого монастыря, и что этот паром содержится пустынью и обслуживается ее иноками, следовательно, находится под ее контролем, – тогда будет вполне понятным, что площадь, лежащая под Оптиной пустынью, как будто самой природой назначена для таковой.

Не буду утомлять вашего внимания историческими справками относительно этого великого, хорошо сохранившегося памятника христианского уклада русской жизни. Могу рекомендовать книгу: *«Историческое описание Козельской Оптиной пустыни и Предтеченского скита Калужской губернии, составленное Е.В.».* Скажу только одно, что эта обитель пережила чрезвычайно много тяжелых моментов.

Точно указать время ее возникновения не представляется возможным, равно как и то, кто был ее основателем. Существует на этот предмет очень много преданий , но все они не являют собой того прочного материала, на котором можно было бы построить самые первые страницы истории этой обители. И, между прочим, как на одно из характерных в этом направлении, можно указать на местное предание такого содержания.

М. Нестеров. «Монах»

Очень давно на Руси, в отрогах непроходимых дремучих Брянских лесов, жили два разбойника: Кудеяр и Опта.

Тот лес, который служил естественной крепостной защитой от татарских полчищ, Литвы и во время междоусобной борьбы удельных князей для города Козельска, сильного и славного в то время города, этот же лес служил лучшим бивуаком разбойничьих шаек жестоких грабителей.

Много лет оба разбойника наводили ужас на окрестности, не щадя ни старого, ни малого, наконец что-то совершилось необычное в душе Опты, и разбойники разошлись.

Кудеяр отправился в Пензенскую губернию, где долго еще наводил ужас на беззащитных обывателей, а Опта, резко изменив образ жизни, создал две пустыни: одну в Орловской губернии, Волховского уезда, а другую – в 70 верстах от первой, описываемую нами Оптину пустынь; поэтому эти две обители и назвались именем их созидателя, «Оптиными».

В основу обеих обителей, а в особенности последней, где и окончил свою жизнь Опта, были положены три правила: соблюдение строгой иноческой жизни, сохранение нищеты и стремление всегда и во всем проводить правду, при полном отсутствии какого-либо лицеприятия.

Это говорит народное предание.

Что касается исторических исследований, то они свидетельствуют, только лишь предположительно, что эта обитель основалась вскоре после того, как козельчанами было принято христианство. Тогда монашество являлось вообще как первый цвет принятого православия и самой совершенной формой его выражения. Это подтверждается историческими справками, свидетельствующими, что после принятия православия всегда, как естественное выражение первой горячности веры новообращенных, у нас, в России, до монгольского периода, созидалось много монастырьков, пустынек, строенных не князьями или боярами, а самими отшельниками; не серебром или золотом, а слезами, пощением, молитвою, бдением, потом и трудами самих подвижников.

И. Левитан. «Тихая обитель». 1890

Так или иначе, Оптина пустынь была известна много раньше истории о ней и служила с давних пор местом и обиталищем таких великих подвижников, при виде которых в душах благочестивых посетителей воскресала память о древнейших монастырях далекого Востока первых веков христианства.

И действительно, если взглянуть даже бегло хотя бы только на последнее столетие этой великой обители, которое является самым блестящим периодом развития в ее насельниках духовной жизни, чтобы иметь полное основание утверждать, что в более отдаленную эпоху, эпоху, не зараженную тлетворной культурой, насельники этой обители были великими подвижниками и молитвенниками за православную Русь.

В. Саврасов. «Монастырские ворота». 1875

Как и все, не принадлежащее миру сему и не от мира сего насажденное, Оптина пустынь, пожалуй, более чем всякая другая русская обитель, претерпевала самые ужасные и самые разнообразные угнетения, обиды, бедность. Ее неоднократно упраздняли, потом опять возобновляли. Неоднократно она подвергалась излюбленной сатаною форме гонения на всех работников Божьей нивы – клевете, но на ней оправдывались слова Христа, предохранявшего эту церковь, этот союз желающих служить Ему от нападения ада. Она возникала из пепла, из горькой нищеты, и кресты на ее Божественных храмах снова ярко блистали под голубою лазурью небес, окруженные, как естественными стражами, колоссальными соснами и дубами.

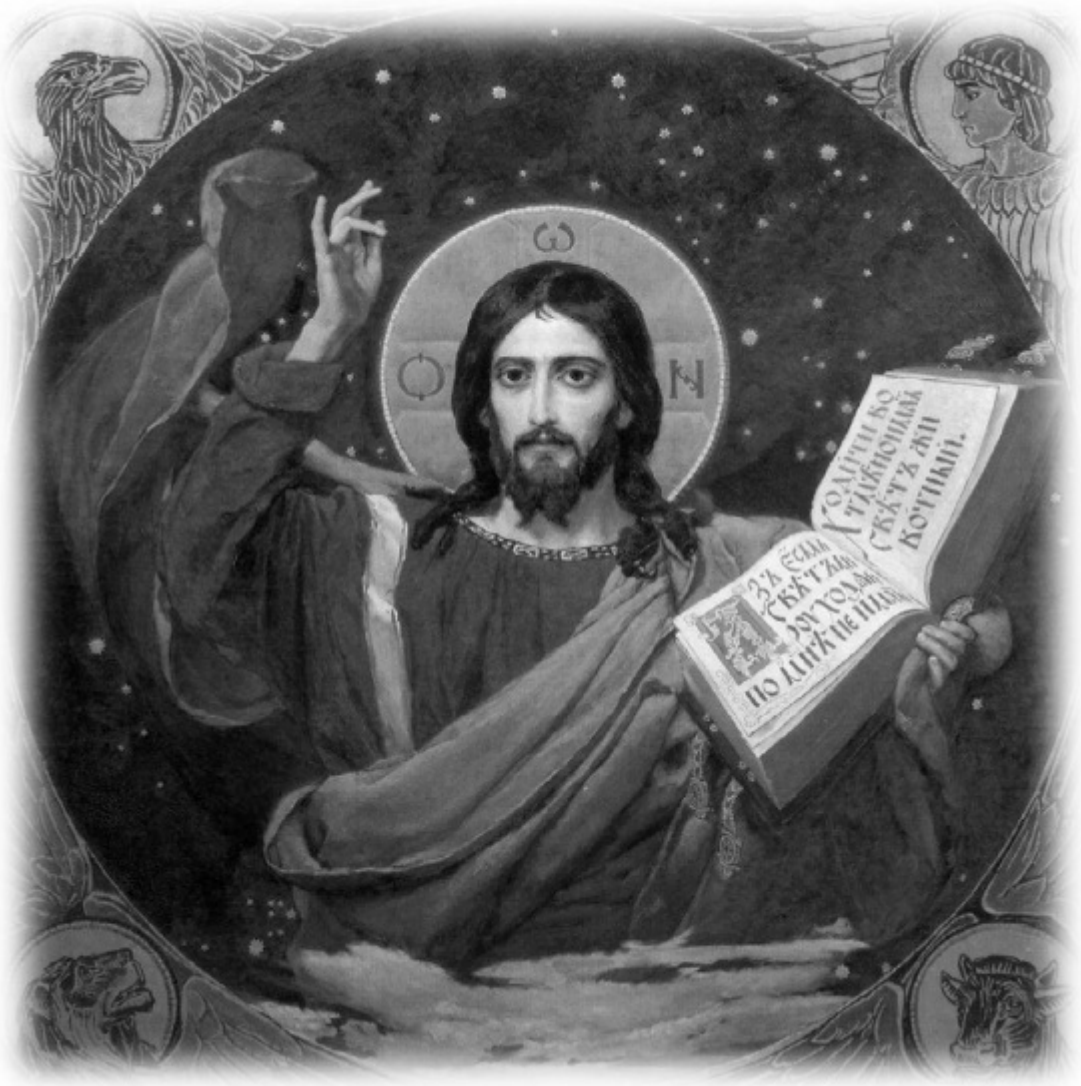
Чтобы иметь хотя бы слабое понятие о том, какие были иноки доброго старого времени, какими уставами руководились они, я позволю себе указать на две исторические выдержки.

Первую – это завещание монаха скитской жизни, преподобного Нила Сорского, скончавшегося в 1508 году. *«Монахи, – наставлял он, – должны пропитание снискивать трудами рук своих, но не заниматься земледелием, так как оно, по сложности своей, неприлично монашеству; только в случае болезни или крайней нужды принимать милостыню, но не ту, которая могла бы служить кому-нибудь в огорчение; никуда не выходить из скита и не иметь в церкви никаких украшений из серебра или золота, ни даже для святых сосудов, а все должно быть просто».*

Теперь следует обратить внимание на отзыв Зиновия Отенского, свидетельствующего о том, как жили подвижники наших обителей до XVI века. Вот что говорит последний: *«Плакать мне хочется от жалости сердечной! Досель приходит мне на память, как я видел монахов некоторых из тех монастырей, которых осуждают за деревни (вопрос касался монастырских вотчин): руки скорчены от тяжких страданий; кожа, как воловья, и истрескалась; лица осунувшиеся; волосы растрепаны; без милости волочат и бьют их истязатели, истязывают, как иноплеменники; ноги и руки посинели и опухли. Иные хромают, другие валяются. А имения так много у них, что и нищие, выпрашивающие подаяния, боле их имеют. У иных пять и шесть серебряных монет, у других две или три, а у большей части редко найдешь и одну медную монету. Обыкновенная пища их: овсяный невеянный хлеб, ржаные толченые колосья, и такой хлеб, еще без соли. Питье их вода; вареное – листья капусты; зелень – свекла и репа; если есть овощи, то это – рябина и калина; а об одежде и говорить нечего».*

И только с XVI века, при Иоанне Грозном, стало заметно ослабление пустынной жизни.

Вот в какой школе воспитывалась Оптина пустынь, и если прибавить ту изумительную красоту правдивости, нелицеприятия и смирения, то будет вполне понятным, что за могикане духа должны были воспитываться в этой обители.



В. Васнецов. «Христос-Вседержитель». 1885–1896

Если же принять во внимание то, что все эти свойства сохранились до некоторой степени в этой обители и посейчас, а в особенности правдивое нелицеприятие и поражающее непривычный глаз мирянина смирение, то вполне будет понятно, почему эта обитель и в наше время, на фоне упавшей нравственно современной жизни во всех ее слоях, не исключая и ордена монашествующих, является тем огненным столпом во мраке окружающей ночи, который привлекает к себе всех мало-мальски ищущих света.

Игумен Моисей

В истории монастыря видное место занимает настоятель, **игумен Моисей (Путилов),** который создал связующее звено между русским обществом и этой обителью, учредив в ней старчество.

Архимандрит Моисей, сын богатого серпуховского купца Путилова, с ранней молодости интересовался духовными вопросами и всячески искал случая познакомиться с опытными в этом направлении людьми.

В то время в Москве проживала известная монахиня Досифея (1785-1805 гг.), которая, по народной молве, была не кто иная, как известная княжна Августа Тараканова, дочь императрицы Елизаветы Петровны, заточенная по повелению Екатерины II в Ивановский монастырь. Эта великая женщина и направила первые шаги молодого Тимофея Ивановича – так звали в мирской жизни архимандрита Моисея, – к духовному совершенству. Он поступил в монастырь, и сорока трех лет от роду был назначен строителем Оптиной пустыни.

Человек этот был высокого духовного уклада, глубоко верующий, монах в самом точном смысле этого слова и безгранично добрый.

Так рассказывают про него. Найдя обитель без всяких личных средств к жизни и чрезвычайно запущенною, он приступил к приведению ее в порядок.

И прежде всего начал строиться, но строился не по прихоти, а по нужде, так как в то время (1839 г.) был во всей той местности ужасный голод, и о. Моисей задался мыслью – работами на своих постройках оказывать помощь нуждающемуся окрестному населению.

Когда же благосостояние монастыря стало внушать инокам беспокойство за их будущую необеспеченность, они, видя производящуюся постройку различных новых зданий, стали роптать на архимандрита и довольно громко высказывать, что *«самим-де есть нечего, а между тем затеваются такие постройки, такие работы».*

О. Моисей смиренно переносил это недовольство.

Преподобный Моисей Оптинский. Икона

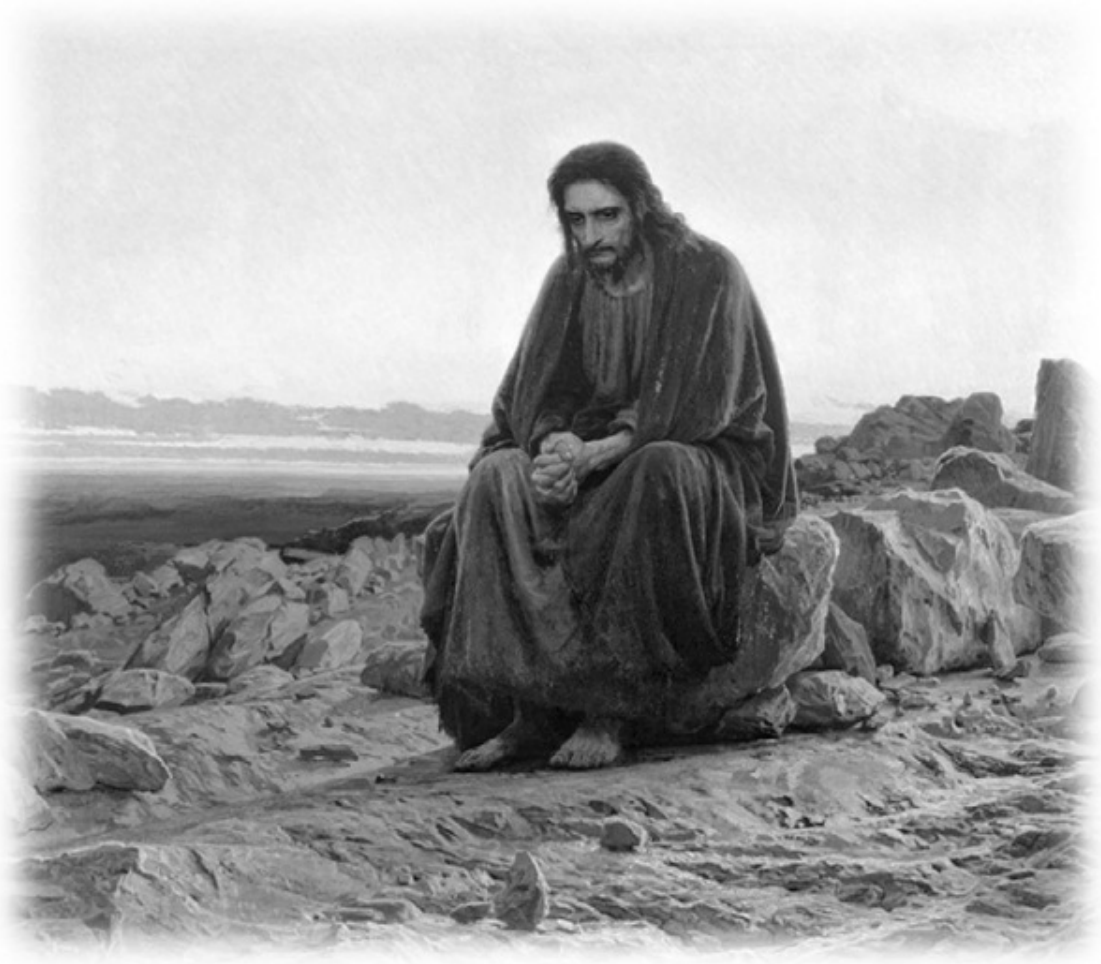
Но наконец ропот дошел до того, что даже его родной брат, бывший в обители иеромонахом, решился сказать своему брату, что он поступает неправильно и что все эти работы надлежало бы прекратить.

Святые врата. Оптина пустынь

А в это время действительно весь монастырь битком был набит голодным народом, у которого не было дома ни корки хлеба.

О. Моисей задумался, опустив в землю глаза, ничего не возражал своему брату, но, когда от них отошел келейник, он начал говорить вполголоса:

– Эх, братец ты мой! На что ж мы образ-то ангельский принимали? Спасителем нашим клялись? На что ж Он душу-то Свою за нас положил? Зачем же слова любви-то Он нам проповедывал? На то ли, чтобы мы только перед людьми казались ангелами, чтобы слова о любви к ближнему повторяли только устами, а на деле втуне его оставляли? Чтобы ругались Его страданию за нас?..



И. Крамской. «Христос в пустыне». 1872

Что ж народу-то – разве с голоду умирать? Он ведь во имя Христово просить избавить его от голодной смерти. Что ж, мы откажем Христу-то нашему Спасителю, нашему Благодетелю, Которым мы живем, движемся и есмы? Да разве это можно? Разве можно сказать голодному: ты мне чужой, мне до тебя дела нет: уходи отсюда; умирай!.. Нет! – Господь не закрыл еще для нас щедрую Свою руку. Он подает нам Свои дары для того, чтобы мы не прятали их под спудом, не накопляли себе горячих угольев на голову, а чтобы возвращали в такую-то вот годину тому же народу, от которого их получили. Мы для него берем на сбереженье его трудовые лепты…

Этого было совершенно достаточно, чтобы братия навсегда оставила в покое стремление архимандрита служить Господу милосердием.

Вера этого человека была так велика, что в то время и при наличности имеющихся у него средств никто не решился бы даже подумать начинать, а архимандрит Моисей не задумывался: он был твердо уверен, что Господь не оставит его. И эта вера его передавалась даже всем рабочим. Они также привыкли к мысли, что Бог на их долю пошлет необходимые средства. Бывало, если кому-нибудь понадобятся из них деньги, а у о. Моисея их нет, он просит повременить денек… другой, – и они охотно это делают. И на самом деле, Господь не оставлял их; глядишь, а с почты и везут что-нибудь. Батюшка придет на работы и говорит им: *«Ну вот, братия. Господь на вашу долю послал, давайте поделимся*», и сейчас же раздаст кому что нужно.

Про этого доброго человека рассказывают чрезвычайно много.

Так, например, придут к нему бывало из Козельска бедные женщины попросить на зиму сенца для своих коров. Он позовет эконома и спросит: *«Много ли у нас сена-то? – Да у нас сена-то только для себя».* — О. Моисей обращается к женщинам и говорит: *«У нас сена только для себя»,* а сам возьмет запишет их адреса и отпустит домой. Потом, когда придет время поднимать стога, призовет эконома и спросит: *«Вот у тебя на лугу, близ города-то, стоит стожок, ты когда его думаешь свозить в обитель-то? – Да думаю, если благословите, завтра. – То-то, ты уж поскорее, а то занесет его снегом, – к нему и подъехать-то нельзя будет… Да, кстати вот что: приходили ко мне тут две женщины и просили меня продать им сенца*, *я было говорил*, что сто *нужно самим, да они тут набросали денег; одна рубля полтора, другая два*, *так* 3/ж *делать нечего*, *ты им отвези».* А между тем женщины и не думали давать ему денег. Это он сначала узнает, действительно ли они нуждаются, есть ли у них дети и коровы; а потом пошлет.

Икона кисти И. Репина.«Преподобные Антоний, Макарий и Феодосий»

Или, например, был такой случай: проходя к старцам в Оптину пустынь, один приезжий настоятель увидал мальчика, сидящего около дорожки. *«Ты что тут делаешь?* — спросил настоятель. *– Кротов ловлю. – И жалованье за это получаешь? -И жалованье полу-*

чаю…» Идет настоятель дальше; смотрит, сидит около яблони другой мальчик. *«А ты что делаешь ?* - спросил настоятель. – *Ворон пугаю от яблонь, чтобы яблоки не портили. – И жалованье за это получаешь ?* — спросил настоятель. – *И жалованье получаю».*

Приходит настоятель к о. Моисею и высказывает ему удивление по поводу виденного.

– Да, да, – прервал старец: – крот-то ведь очень вредный зверек: корни у растения подкапывает; а ворона – такая птица, что все яблоки перепортит. Вот я и должен нанимать мальчиков-то, а мальчики-то сироты, – смущенно оправдывался о. Моисей.

Это было во время неурожая.

Но как ни прикрывал дела милосердия о. Моисей, они все выходили наружу.

И вот этому-то старцу выпало на долю учредить при Оптиной пустыни так называемое «старчество».

М. Нестеров. «Старец. Раб Божий Авраамий». 1914

Как человек большого духовного опыта, несмотря на то что он обладал даром слова, знанием человеческого сердца, прекрасно изучил Слово Божие, священное писание, учение Святых Отцов, – словом, был преисполнен большой духовной мудрости, он считал совершенно невозможным совместить в одном лице три обязанности в обители: и настоятеля, и духовника, и старца. Поэтому, во исполнение только что введенного в пустынь устава

Коневской обители, где сказано, что *«должность духовника состоит в совершении таинства покаяния, а обязанности руководительствовать иноков к богоугодной жизни частыми наставлениями должны лежать на особом наставнике или так называемом старце. Причем старцем иногда может быть, по благословению настоятеля, и простой монах, умудрившийся в духовной жизни, который вразумляет брата, открывающего ему свою борьбу с одолевающими его помыслами; учит противостоять искушениям сатаны; возбуждает к покаянию и исповеданию грехов, но сам не разрешает грехов. Таким путем старец, по точному смыслу Коневского устава, всех более должен помогать настоятелю в руководительстве, братиею ко спасению».*

Само собою разумеется, в деле этого руководительства старец должен сообразоваться с Словом Божием, богомудрыми отеческими писаниями, правилами Святой Церкви и уставом обители.

Задача о. Моисея облегчалась еще тем, что при Оптиной пустыни был уже скит, учрежденный несколько раньше самим же о. Моисеем.

Скит

Стоит только выйти из Оптиной пустыни по направлению к лесу, и здесь, на расстоянии 170 саженей, помещается в глубине леса совершенно уединенный скит для избранных лиц, стремящихся и способных к созерцательной молитве. В настоящее время этот скит представляет собою центральное место как для самих иноков, так и для богомольцев, приходящих в Оптину пустынь.

Ведь в Оптиной пустыни, собственно говоря, не имеется никаких исключительных святынь. И последняя привлекает к себе беспрерывную массу паломников, несмотря ни на какое время года, только лишь исключительным настроением обители, высоким подвигом и строгим образом жизни иноков, и, главным образом, старцами.

Насколько высоко и возвышенно настроение Оптиной пустыни, может испытать на себе каждый, побывавший в ней.

Я не говорю уже о таких великих деятелях и умах, какими должно назвать Н.В. Гоголя, как известно, получившего в Оптиной пустыни полное возрождение своей духовной природы; момент, который разделил Гоголя: на Гоголя – творца «Мертвых душ», «Ревизора»; и на Гоголя, давшего высокохудожественные произведения духовно-христианского творчества, в виде его «Размышления о божественной литургии»; затем И.В. Киреевского, в котором, опять-таки благодаря той же Оптиной, получился коренной переворот в личных воззрениях. До Оптиной И.В. Киреевский был питомец западно-европейской, вольтерьянской, философствующей мысли, сторонник Гегеля, Шиллинга и К°; после Оптиной – это было истинное дитя Христова учения, воспитанное молоком Священного Писания и назиданием святых отцов, А.С. Хомякова, К.Н. Леонтьева, Ф.М. Достоевского…

А. Васнецов. «Скит». 1901

Не будем даже останавливаться на ярком факте какой-то чудодейственности, неотразимости Божественной благодати этого места, ощущавшейся сведшим на степень обыкновенного человека Господа нашего Иисуса Христа и отрицавшим православную церковь, как таковую, – Л.Н. Толстым, который очень часто, по свидетельству многих из оптинских иноков, придет, бывало, верхом на лошади, поставит ее в гостинице № 6, а сам отправится пешком за скит.

И. Репин. «Л.Н. Толстой на отдыхе в лесу». 1871

Сядет там на пенек, и иногда по 4, по 6 часов, не сходя с места, сидит и обдумывает какую-то угнетающую его мысль, разрешает какой-то тяжелый вопрос. Не будем говорить здесь даже о том, что этот, запутавшийся в своей собственной гордыне, колосс человеческой мысли инстинктивно, как слепой тянется к лучам согревающего солнца, тянулся туда перед концом своей жизненной эпопеи. Не будем говорить об этих великих людях, а проверим свои личные переживания в Оптиной, а затем в скиту, и, мне кажется, каждому из нас, когда мы были в этих местах, хотелось сказать словами патриарха Иакова во время его пребывания около Вефиля, где он видел знаменитый сон, – лестницу от земли до неба: *«это место не что иное, как дом Божий, это врата небесные».*

Во время моего двукратного пребывания в Оптиной мне приходилось говорить со многими из бывших там интеллигентных паломников, и все они в один голос уверяли, что за время довольно продолжительного пребывания здесь некоторых из них их всегда какая-то непреодолимая сила влекла в чащу Оптинского скита, к старцам.

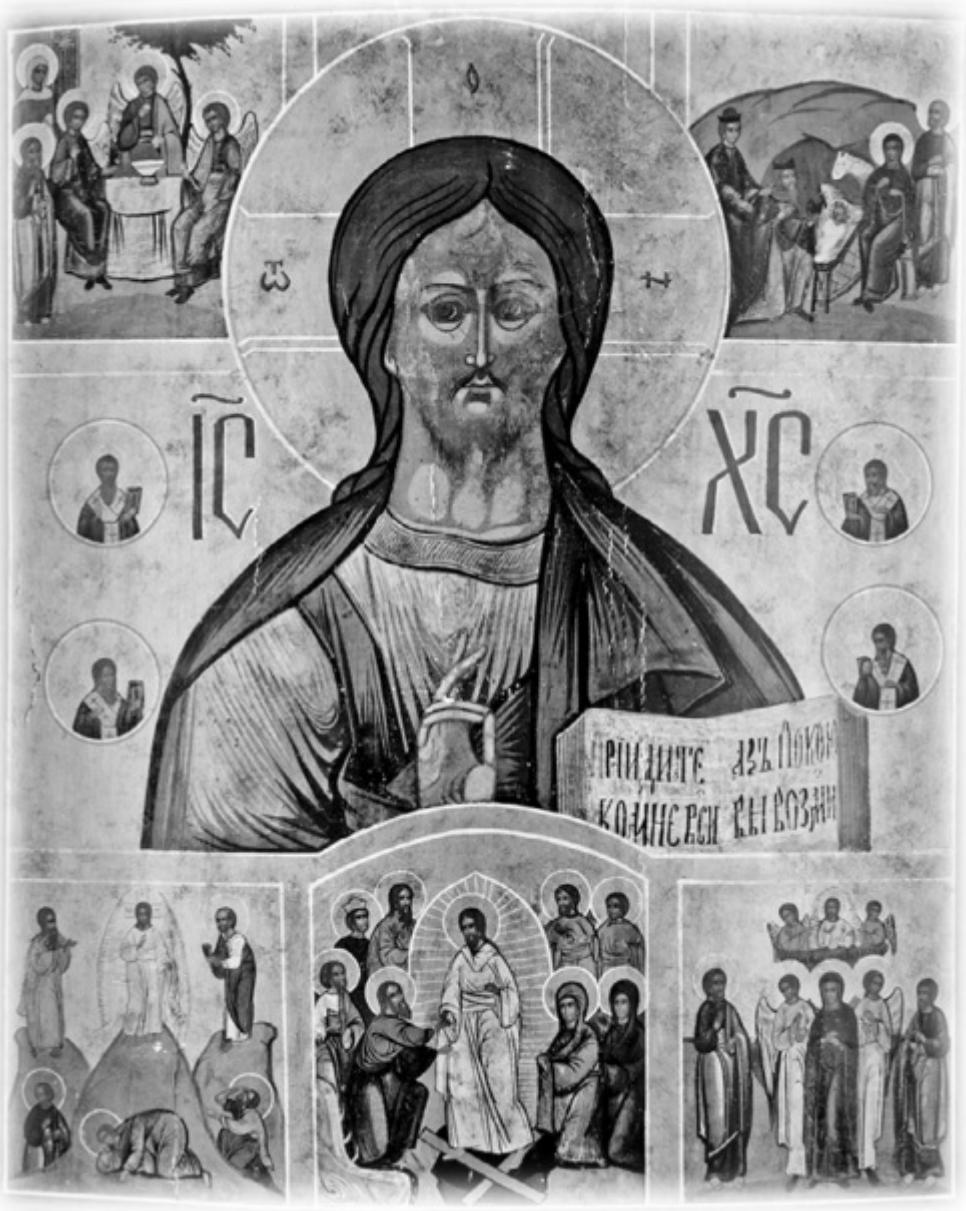
– Не беспокоить их, не беседовать с ними, – говорил мне один отставной генерал, – а только бы вот посидеть на святом порожке у старцев, подышать и подумать в этой благодатной чаще божественного леса.

И так, повторяю, в Оптиной пустыни исключительных святынь – нет, но сама по себе Оптина пустынь изумительно богата массою привлекающих к себе каких-то духовных начал. Здесь что ни шаг, то пункт для какого-то духовного удовлетворения, для какой-то необъяснимой полноты души.

Начать с поразительной красоты берегов, окаймляющих одну из естественных границ Оптиной пустыни, – реку Жиздру. Словно сад какого-то богатого владельца раскинулся по всему ее берегу красивый бархатистый перелесок. Смотреть хочется – нет, этого мало, это неверно сказано, – отдохнуть хочется; невольно тянет туда, в эту благодатную чащу; какая-то неведомая сила влечет и говорит, что там за нею есть что-то вечно ласкающее, вечно умиротворяющее… Что там, за этим берегом, за этой прихотливо раскинувшейся зеленью находится другая зелень, зелень смысла и истины человеческой жизни; та неопалимая купина, которая на протяжении многих лет горит неугасаемым духовным огнем.

Икона Божией Матери «Утолимоя печали». Из трапезной церквиСергия Радонежского Троице-Сергиевой лавры, г. Сергиев Посад

Огнем очищения человеческой души. Огнем вразумления, утратившего и силу воли, и соль правильной оценки жизненных явлений человеческого разума. Огонь оздоровления больных, издерганных нервов, искалеченной обстоятельствами человеческой души.



Икона Иисуса Христа. Фото А. Ефимова

Чувствуешь, что это «великое место», «святое».

«Место, на котором ты стоишь – свято», и вы ищете пути к этой вечно пылающей неземным огнем купине.

Так и тянет к Оптиной пустыни, в какое бы время года, в какую бы погоду не подъезжали вы к ней, – неизменно говорят те, которые посещают пустынь: безразлично по отношению к количеству посещения ее, будь это первый, будь это десятый раз…

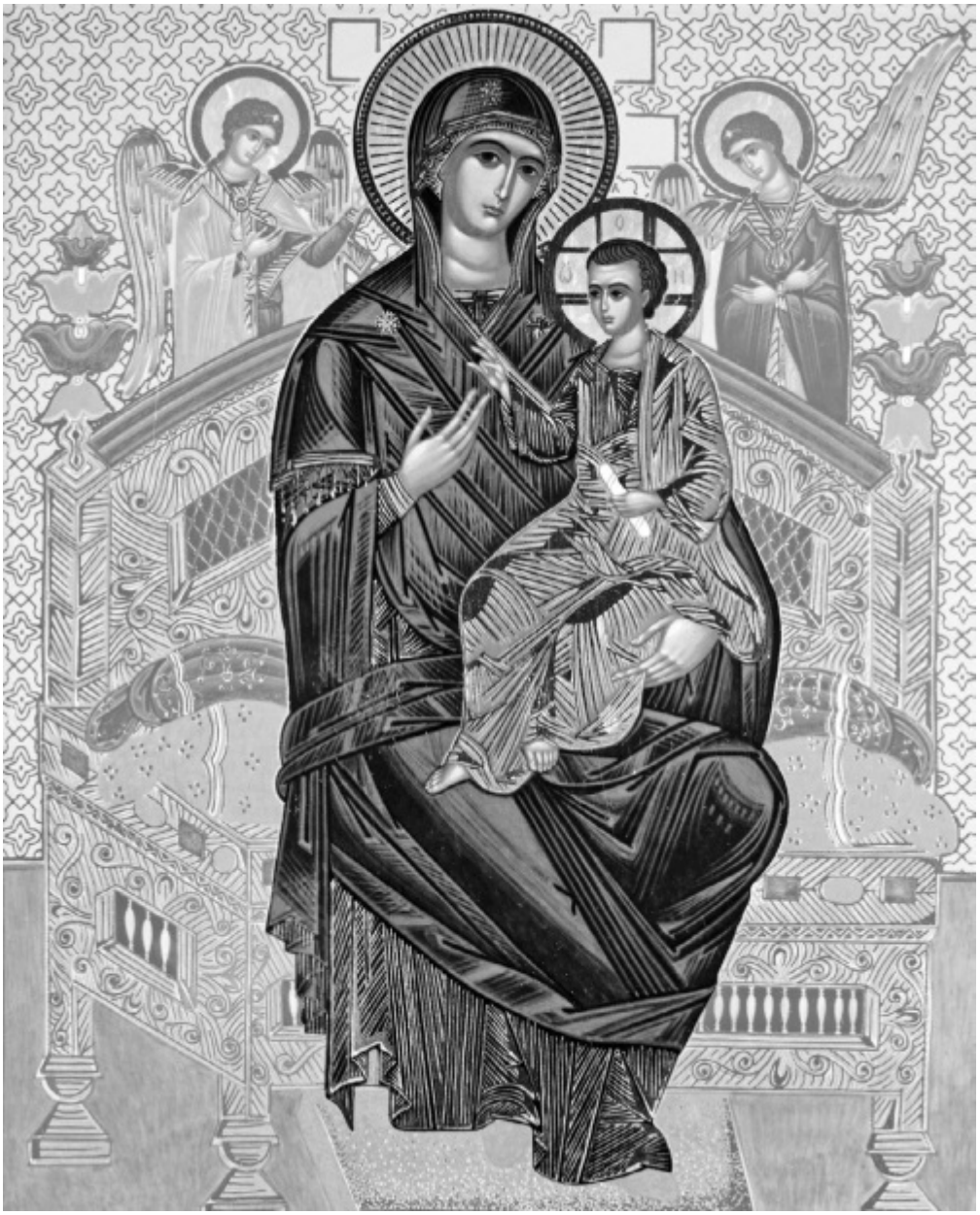
Вот перед вашими глазами хорошо устроенный, чистый – ни соринки на полу, – паром, который плавно подходит к берегу, направляемый седовласыми монахами.

Ваши лошади въезжают, вы переплываете эту темно-зеленую зыбь и чувствуете, что вы ближе и ближе к той невидимо манящей вас благодатной купине, в которой вы, чувствуете, найдете все, что нужно для вашей другой, быть может, не совсем понятной еще вам самим, духовной жизни.

А этот тихо и плавно покачивающейся паром с своими необычными хозяевами – монахами, разбивая легким шорохом быстробегущие волны Жиздры, как будто нежным шепотом

повторяет вам ветхозаветное: *«сними обувь твою с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая».*

Оставь там, на том берегу, все то, что угнетало тебя в личной жизни, что не давало тебе возможности отдаться всей душой Тому, Кто, благодаря насельникам этого святого места, вечно пребывает здесь…



«Вы …осеняете себя крестным знаменем, как бы предъявляя Этой Великой Привратнице обители свой драгоценный документ, свидетельствующий о том, что вы носите имя Ее драгоценного Сына»

Этого мало, вы на фактах убеждаетесь, что «это место свято», что его оберегают от всего, что может так или иначе нарушить его святую тишину, его исключительную благодатную гармонию. Подъезжая к берегу, мы невольно делаемся свидетелями разговора между мужиком, сидящим на монастырском берегу, и монахом на подплывающем пароме:

– Отец, что же ты не взял с того берега странника-то?

– Не могу, родненький… Не могу. Нетрезв он, да вдобавок с гармонией в руках. Пусть выспится и «струмент-то» этот свой поганый на квартире в городе оставит, – тогда милости просим в нашу обитель.

Паром ударился о край пристани. Монах бросился прикреплять его к последней. Отодвинули засов. Лошади весело дернули на гористую дорогу к монастырю, и почти наравне с кельей-избушкой отца паромника вы увидали как бы встречающее вас изображение Пресвятой Богоматери «Утоли моя печали».

Благоговение охватывает вашу душу, вы невольно снимаете фуражку и осеняете себя крестным знаменем, как бы предъявляя Этой Великой Привратнице обители свой драгоценный документ, свидетельствующей о том, что вы носите имя Ее драгоценного Сына и состоите в той великой армии, которая ограждает себя от врагов видимых и невидимых, и лично своих, и лично Его, – символом Того Креста, на котором Он был распят за весь греховный мир.

Гостиницы

И перед вашими глазами открываются две дороги: одна – направо, к святым воротам, где помещаются монастырские гостиницы № 1, 2 и 3…

А дальше прямо идет дорога к гостинице № 6 отца Пахомия.

Еще дальше перед вами открывается путь к дальней гостинице, к странноприимному дому, и т.д.

Обратите внимание на эти гостиницы. Кажется, что может сказать такое учреждение, как гостиница? Вечные хлопоты, постоянная сутолока. Претензии и неудовольствия постояльцев. Стремление и желание служащих угодить им, нивелировать все это. А между тем гостиницы в Оптиной открывают вам целые страницы назидательных уроков жизни.

А. Корзухин. «В монастырской гостинице». 188

Каждою из гостиниц управляют, самою собою разумеется, малообразованные гостинники, но они поражают вас прежде всего, непередаваемой красотой своего смирения. Побеждающего смирения. Затем – вдумчивостью. Беседуя с ними, каждый раз приобретаешь что-то новое для размышления, для анализа своей личной жизни и души, и каждый раз, как в зеркале, видишь в себе массу самых неприглядных, самых вопиющих несовершенств.

И действительно – перед вами люди огромного духовного опыта, большой работы для Христа.

Я возьму для примера хотя бы двух отцов гостинников: о. Михаила и о. Пахомия. Первый из них в течение многих лет до монастырской жизни работал с одним известным православной Руси священником, который Христовым именем соорудил очень много храмов, приютов; устраивал людей, давал возможность выкарабкиваться из нужды, и о. Михаил вынес из этой жизненной школы изумительную способность делать все, чтобы быть так или иначе полезным своему ближнему: он и хороший столяр, он и прекрасный кузнец, он и опытный шорник; и в то же время из беседы с ним вы увидите, что этот человек прекрасно знает Слово Божие и, ни на одно мгновение не оставляя наблюдения за порученным ему хозяйством, стремясь и день, и ночь угодить каждому, иногда очень прихотливому, капризному постояльцу, – не оставляет ни на минуту дальнейшего изучения этого Слова и побеждает все, только лишь одним смирением.

Не менее интересною вырисовывается перед вами фигура другого гостинника – отца Пахомия.

Шестидесятишестилетний старик, с рыжеватой с проседью бородой, прямой, как стрела, предупредительный по отношению решительно к каждому из обращающихся к нему, как самая лучшая нянька.

Знает лично графа Л.Н. Толстого, беседовал с ним. Достаточно первого взгляда на этого монаха, чтобы отметить, что это не простой человек.

И на самом деле, быв еще кавалергардом, любимый, поощряемый начальством, с давних пор почувствовал он влечение к какой-то другой области, к какой-то другой жизни. Влечение это усиливается с каждым днем, с каждым часом. С нетерпением ожидает он срока выслуги узаконенных лет, и вместе с товарищем, прежде чем идти в родную Вологду, решился пешком пойти в Киево-Печерскую лавру. Побыли там, пошли пешочком к родному северу. Совершенно случайно подошли к Оптиной пустыни. Пахомий стал просить своего товарища переночевать в этой обители; товарищ не согласился, но предложил Пахомию остаться, а сам обещал подождать его где-то в ближайшем пункте. Пахомий остался в монастыре ночевать – *«и вот ночую в нем более 20 лет»*, говорит с каким-то радостным восторгом этот воин-инок. Любить монастырь, который теперь для него – все. Любят, очевидно, и его.

Отец Пахомий… прежде чем идти в родную Вологду, решился пешком пойти в Киево-Печерскую лавру

Храмы Оптиной пустыни

Идя последовательно от этапа к этапу в обители, мы на каждом шагу встречаем что-либо, говорящее нашей душе.

Вот перед вами Святые ворота; терраса, ведущая снизу монастыря в обитель; эти ворота ярко напоминают вам о стремлении к «горе», к Богу. Поднимаясь под святые ворота, вы чувствуете, как ваша мысль напоминает вам о другом поднятии, о других ступенях.

Из окна книжной лавки, расположенной направо от святых ворот, виден портрет старца Амвросия, который всей своей жизнью напоминает вам о тех ступенях нравственного совершенствования, которые на самом деле приведут вас к «горе», к источнику истинного счастья и истинной жизни.

Внутри обители, прежде всего, обращает ваше внимание центральный храм, – Введенский собор, который окружен со всех сторон кладбищем пустыни. Храм этот в высокой степени красив, изящен, и, когда в нем совершается всенощное бдение, которое продолжается минимум 5–5,5 часов; когда слышится удивительно стройное в высокой степени своеобразное пение оптинских иноков, создавшее себе громкую известность своими оптинскими напевами; красивое чтение кафизм, канонов, – все это, вместе взятое, заставляет жить душу молящегося совершенно иной жизнью, совершенно другим укладом.

Я знаю по личному опыту, что, пробыв в Оптиной пустыни хотя бы одну неделю и регулярно каждый день посещая некоторые службы (в Оптиной пустыни служба идет с часу ночи до 11 часов вечера почти беспрерывно) – всенощную, литургию, чрезвычайно трудно привыкать потом к службам в наших обыкновенных церквах. Своим сокращением, с своим «борзящимся» чтением и пением (в Оптиной пустыни почти все поют, что в обыкновенных церквах читают; так обыкновенное «Хвалите имя Господне» у всенощной в Оптиной проходит в чтении речитативом между песнопениями особых псалмов) церковная служба в наших городах кажется такой бедной и такой бледной, что долгое время душа молящегося испытывает какую-то, если так можно выразиться, духовную нищету.

Портрет старца Амвросия всей своей жизнью напоминает вам о тех ступенях нравственного совершенствования, которые на самом деле приведут вас…к источнику истинного счастья и истинной жизни

Красиво наблюдать жизнь этой обители во всех, даже в самых обыденных житейских подробностях.

Кончается литургия, и все монахи чинно и стройно направляются в трапезную. Все усаживаются за длинные столы; на средину же, на большое возвышение, выходит один из очередных иноков и, во время всей трапезы, читает жития святых.

Владимирская икона Божией матери. Византия. XII в.

Странное впечатление производит при этой глубокой тишине мерное чтение, во время которого только лишь изредка слышатся шаги разносящих чрезвычайно простые, незатейливые кушанья и стук меняемых тарелок и посуды.

После этого до повечерия, а под праздничные дни до всенощной, наступает в обители полная тишина, и лишь только то тут, то там появляются изредка монахи или около своих келий, или направляясь к монастырскому почтарю за письмами и газетами, или в книжную лавку, или на братское кладбище и т.п.

Но вот заблаговестили к повечерию, и отовсюду потянулись иноки в храм, где совершается служение. И снова льется в открытые окна храмов священное песнопение, которому целым хором вторят находящиеся в пустыни в изобилии «певцы поднебесья». Отовсюду потекли богомольцы, и снова началась своеобразная жизнь обители.

Введенский храм Оптиной пустыни. Здесь почивают святые мощи Преподобных Старцев Амвросия и Нектария. Фото иерея Максима Массалитина

Кончилась служба, из трапезы понесли ужин, еще более скудный, чем обед.

После ужина снова тишина в монастыре; видны только лишь одни богомольцы, направляющиеся или к кладбищу, или на дорожку к скиту…

Следующими выдающимися храмами следует назвать чрезвычайно красивый храм Марии Египетской; вслед за ним храм Казанской Божией Матери.

Есть еще один храм в Оптиной пустыни – храм Владимирской Богоматери. Он представляет собой для мирских людей главный интерес тем, что при этом храме находится келья одного из старцев нашего времени о. Анатолия.

Так как этот старец принимает почти без перерыва и без ограничения времени всех, то этот храм бывает почти всегда открыт и постоянно переполнен народом. Бывает нередко так, что в монастыре полное затишье; не видно даже монахов, а около храма Владимирской Богоматери, где келья старца Анатолия, сидит много народу и ожидает очередного приема.

Но о старце Анатолии, о его деятельности мы скажем, когда будем говорить о старцах.

Братское кладбище

Говоря обо всем, нельзя обойти молчанием братское кладбище пустыни. Я много видел кладбищ, начиная с маленьких сельских кладбищ и кончая крупными столичными кладбищами, но нигде не видел такой характерной особенности, какою отличается кладбище Оптиной пустыни. Помимо памятников над такими великими праведниками, как старец Макарий, старцы Амвросий и Иосиф – для последних теперь сделали один общий памятник, – недавно погребенного старца Варсонофия, это кладбище отличается тем, что на памятниках его, на железных плитах, в сжатых чертах отмечены все характерные особенности добродетелей и служения похороненного. Читая эти надписи, говорит священник Четвериков (автор известного «Жизнеописания Оптинского старца Амвросия»), есть чему научиться, есть о чем задуматься, есть над чем умилиться!

Преподобный Никон Оптинский

Вот, например, рядом с могилою о. Амвросия могила его наставника и предшественника по старчеству иеромонаха Макария (родом из Орловских дворян), надпись на коей гласит, что *«он делом и словом учил особенно двум добродетелям – смирению и любви».* Рядом с о. Макарием похоронен его предшественник по старчеству о. Леонид (из Карачевских граждан), который *«оставил по себе память в сердцах многих, получивших утешение в скорбях своих».* У ног этих великих старцев находятся могилы духовных детей о. Макария – Ивана Васильевича и Петра Васильевича Киреевских, столь известных в истории русского просвещения. На памятнике Ивана Васильевича написано: *«Премудрость возлюбих и поисках от юности моея. Познав же, яко не инако одержу, аще не Господь даст, приидох ко Господу».*

«Узрят кончину премудрого и не уразумеют, что усоветове о нем Господь».

Чудная надпись, изображающая весь порядок духовной жизни подвижника, помещена на могиле ученика о. Амвросия, скитоначальника, ие-росхимонаха Анатолия (из духовного звания): *«Терпя, потерпех Господа и внял ми, и услыша молитву мою: и возведе мя от зова страстей и от брения тины, и поставь на камени нозе мои, и исправи стопы мои. И вложи во усте песнь нову, пение Богу нашему».* В этих словах псалмопевца со всею точностью изображен весь путь духовного возрастания христианина – от первоначального пребывания в тине страстей до совершенного упокоения и утверждения чистым сердцем в Господе!

На могиле схимника Карпа написано: *«Схимонах Карп, внимательный подвижник, слепец, из крестьян… весь день проводил в тяжелом послушании, а ночь почти всю в рукоделии и молитве. Кротость, молчание с постоянным самоукорением, приветливое обращение с братиею и непрестанное понуждение себя на все благое были отличительными чертами сего подвижника».*

В. Васнецов. «Ангел с лампой».1885–1893

На могиле 22-летнего монаха Гавриила читаем: *«В семилетнее пребывание свое в монастыре никого не оскорбил; жил в обители, как странник, -хранил молчание; был послушлив и почтителен ко всем, кроток и благоумилен; имел великое воздержание в пище; к церкви был примерно усерден; во всем открывал свою совесть пред старцем и неуклонно исполнял его советы. Болезнь свою переносил с терпением и благодушием. Скончался вмале, исполни лета долга».*

На могиле схимонаха Пахомия читаем: *«Скончался 96 лет, а по свидетельству некоторых 106 лет… С самых юных лет до глубокой старости проводил странническую христианскую жизнь по евангельскому слову, не имея, где главы подклонити. В продолжение своей жизни по нескольку раз посетил все русские святые замечательные места, проживая*

где сколько заблагорассудится. За 6 лет до смерти, ослабевши телесными силами, остался совсем на жительство в Оптиной пустыни, где и окончил тихо дни свои. Был неграмотный, но хорошо знал житие всех святых и твердо помнил дни празднования их. Постоянные молитвы его были: «Богородице Дево, радуйся!» или «Ангел Вопияше Благодатный»… и «Светися, светися, Новый Иерусалиме!» – которые он всегда пел, входя в дома, посещаемые им, и выходя из них.

Имел обычай просить милостыню, но вскоре затем отдавал оную другим неимущим. Говорил очень мало, но слова его оправдывались впоследствии самым делом, через что многие имели доверие и расположение к нему. На нем исполнились псаломские слова: живый в помощи Вышня-го, в крови Бога небесного водворится. На мя упова, и избавлю и…»

Далее следуют столь же выразительные надписи на могилах: иеросхимонахов Пимена, Саввы и других, которых мы не приводим. В них заключается много жизненных уроков как для иноков обители, так и для мирян.

Читаешь их, и страница за страницей раскрываются пред тобою неведомые миру, но сохраненные в назидание братии примеры святой, богоугодной жизни… И не хочется оторваться от этих страниц, не хочется отойти от этих безмолвных наставников.

Больница
Источник преподобного Пафнутия

Но человеческая душа ненасытна, она хочет большего и большего. Невольно устремляешься во все стороны от монастыря, чтобы открыть новые источники, новые места, которые еще больше, еще обильнее переполняли бы жаждущую света, неземной формы бытия, изболевшую, переутомленную мирской суетою душу.

И эти попытки не остаются безуспешными.

Вот больница, больничная церковь, больничный сад; и на всем на этом лежит отпечаток особенных христианских взаимоотношений.

Видно, что здесь на больного смотрят не так, как в мирской жизни на страждущего физически человека, а главным образом *«на душу больного, на его духовное переживание»*. Очевидно, здесь на физическую болезнь смотрят, как на один из путей возможного проникновения лучей спасения в человеческую душу. Но все это делается последовательно, естественно, без всякого насилия над человеческой природой. Я бы сказал так: здесь все стоит на страже, в ожидании того момента, когда человеческая душа сама рванется к Господу.

За больницей идут две тропочки, одна в густую чащу леса Оптинской пустыни, а другая вокруг монастырской стены в скит.

Вас тянет на первую: что там интересного, что там нового?

И действительно, там, – где согласились люди постоянно просить Его о всяком деле, Он Сам сказал, что всякую такую просьбу Он исполнит им, *«ибо где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди их»,* — в местах этой высокой молитвы на каждом шагу видишь присутствие Господа, и это подтверждается тем, что на каждом шагу здесь решительно все напоминает Его Божественную правду, Его Божественное слово.

Вы идете по вашей дорожке все дальше и дальше. На вас падают лучи заходящего солнца. Красивые, мощные великаны сосны, пяти-шести аршин в обхвате, раскидывают перед вашими ногами самую причудливую, самую переплетенную сеть теней.

Икона святого Пафнутия Боровского, основателя Боровского монастыря

В природе невозмутимая тишина.

Все благоухает какими-то чудными ароматами.

С каким-то невольным благоговением снимаешь фуражку и думаешь: *«Господи, да почему же здесь так хорошо; почему так невообразимо благодатно и благотворно на душе? Ведь есть же много на белом свете роскошных местоположений, красивых ландшафтов, – но все это не то. Там всегда, хотя в самом маленьком размере, но чувствуешь в сердце какую-то скорбь, какую-то затаенную тоску, ощущаешь какие-то тяжелые цепи от каторги жизни на своей духовной свободе, на своей «волюшке вольной», – а здесь – ничего. Как новорожденное дитя. Только вот от избытка души так бы и хотелось петь и славить Бога, славить Бога и петь».*

М. Нестеров. «Послушник с крестом». Первая четв. XX в.

И как бы в ответ на это раздается дивный благовест к всенощному бдению. Раздался… понесся далеко… далеко… замер каким-то отдаленным эхом и негой своего замирающего отзвука что-то сказал умиленному сердцу.

И вдруг в то же время по всему перелесью раздались какие-то странные, непонятные звуки. Я не знаю, с чем их можно сравнить. Это крик тысячи детей, это скрип и визг какой-то своеобразной исполинской пилы.

Я замер от неожиданности, и долго бы стоял в этом оцепенении, если бы случайно проходивший монах не объяснил мне, что это крик живущих здесь цапель, диких журавлей, гусей и всякой другой птицы, которая, как я сказал уже выше, вследствие запрещения здесь охоты живет спокойно, безмятежно и доверчиво.

– У нас, возлюбленнейший, здесь насильственной смерти нет.

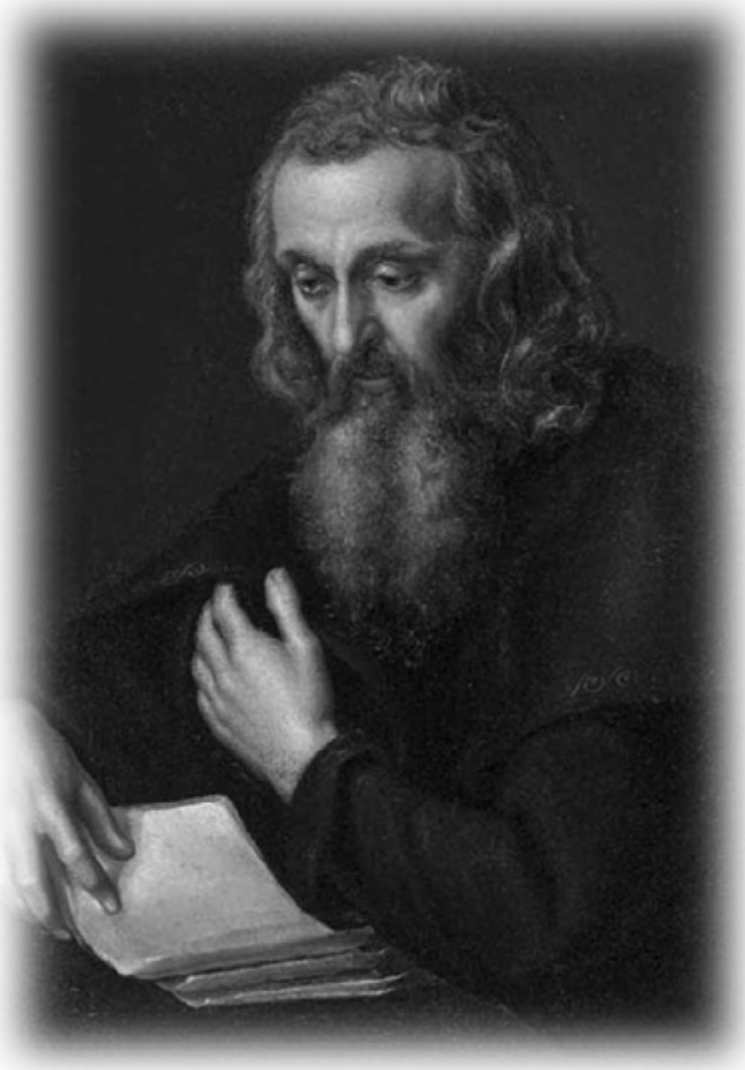
И я понял все в этом чудном благовесте и в этом свободном крике свободных птиц, на жизнь и волю которых не посягает никто.

– Здесь Бог, и здесь нет смерти беззащитным! – невольно шептал я.

Этот лес выводит вас на поразительно красивую дорогу к источнику преподобного Паф-нутия.

Не хочется уходить. Изумительное единение всей природы и чудно настроенной души с этой утопающей в благотворной тишине неземной красотой приковывает, очаровывает всякого, попавшего в сферу ее чудодейственного влияния…

Но вот вы спускаетесь вниз, и перед вами колодец, выкопанный, по преданию, преподобным Пафнутием, игуменом Боровским. Около колодца находится небольшой резервуар, аршин шести длины и аршин трех ширины, в котором вмещается проточная вода из источника, и сюда некоторые из ревностных богомольцев приходят купаться.



И. Крамской. «Русский монах в созерцании»

Вода здесь в самые жаркие дни не поднимается выше +10° .

Только, к крайнему сожалению, почему-то этот колодец и источник находятся в крайне запущенном виде, в особенности сарайчик для раздевальни. Это, конечно, в значительной степени сокращает число желающих воспользоваться благотворными водами, освященными великим подвижником.

А уж отсюда прямая дорога: прямо к ограде пустыни. И та же красота, то же беспредельно высокое настроение.

Именно настроение.

И настроение чрезвычайно глубокое, которое не исчезает, мне кажется, и годами…

Иоанно-Предтеченский скит

Теперь перейдем к знакомству с самым центральным пунктом Оптиной пустыни – с Иоанно-Предтеченским скитом.

Достаточно выйти на эту очаровательную дорожку, которая идет к скиту, чтобы вашу душу охватило какое-то исключительное по своему настроению чувство.

Перед вами развертывается с обеих сторон чудная густая сосновая аллея, и вы сразу чувствуете, что переходите в какой-то совершенно иной мир.

Внутренний вид Предтеченского скита, Оптина пустынь. 1887

Обыкновенно поразительная тишина. Святая тишина в самом точном смысле этого слова. Такой тишины, я уверен, многие не наблюдали нигде.

По обеим сторонам в начале аллеи стройно стоят фруктовые деревья. Если вы приехали во второй половине июля, то ваш взгляд падает на необычайное изобилие яблок и других фруктов.

Если же вы приехали ранней весной, вы идете под сенью какого-то неземного сада, покрытого белым цветом фруктовых деревьев.

Наконец как-то незаметно эта аллея соединяется с просекой обыкновенного леса, обильного стройно вытянувшими свои вершины богатыря-ми-деревьями, которые, как стражи-исполины доброго старого времени, мирно пропускают вас к скиту. То тут, то там в глубоком безмолвии, с каким-то, очевидно, исключительным благоговением, тянутся длинные вереницы богомольцев, направляющихся к старцам.

Сто семьдесят саженей, расстояние между пустынью и скитом, пройти, само собою разумеется, очень скоро. И вы сожалеете, что эта чудная дорога не выросла в 170 верст.

Ангел-хранитель. Икона

Перед вами направо сначала показывается колодезь во имя Амвросия Медиоланского, куда два раза в день выходят с небольшими глиняными кувшинами из скитских ворот скитонасельники, очевидно, за водой для утреннего и вечернего чая.

Еще несколько шагов, и перед вашими глазами развертываются святые ворота Предтечева скита, по обеим сторонам которых вы видите два домика, с выходящими наружу маленькими крыльцами, в отворенные двери которых, почти беспрерывно то входят, то выходят пришедшие богомольцы.

И у кельи направо на длинной скамейке, которая рядом с входом, а иногда и на ступенях крыльца, сидит большая группа ожидающих очередного входа в келью.

Эти два домика – кельи старцев, куда является свободным доступ снаружи скита только лишь для женщин. Мужчины же входят к старцам через святые ворота, через внутренний вход.

К. Костанди. «Ранняя весна». 1915

Если вы оглянетесь в сторону леса, по направлению от правой кельи, то вы увидите в хорошую, ясную погоду массу самой разнородной публики, которая находится в ожидании очередного входа в кельи. С этой же стороны помещается длинная скамья, на которой в первый свой приезд я на единственном этом месте во всей Оптиной пустыни увидел написанные, очевидно, каким-то местным доморощенным поэтом стихи:

На эту святую обитель
Нисходит ангел-хранитель.
И по воле небесного Отца,
Утешает скорбные сердца.

И эти стихи, несмотря на плохо соблюденный размер в них, как нельзя лучше выражают собой роль и значение в человеческой жизни этой великой обители.

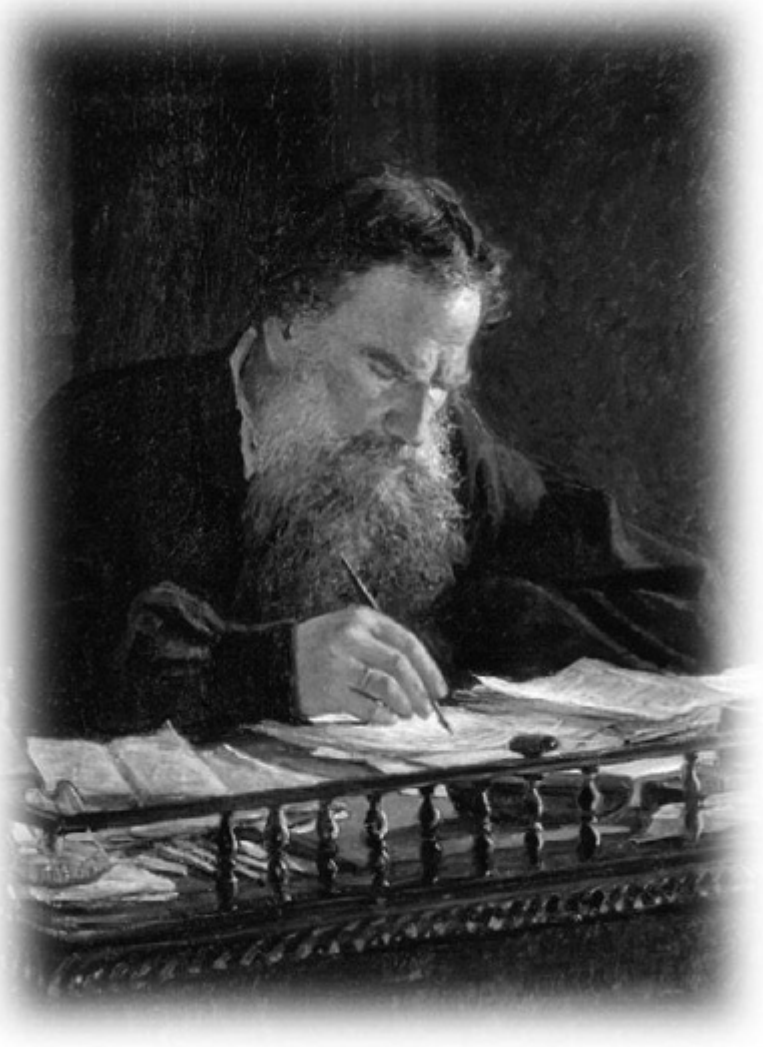
Главная масса богомольцев тянет в келью направо.

Такое изобилие народа вблизи правой кельи объясняется тем, что в этой келье на протяжении многих лет кряду помещались два великих старца: Амвросий и Иосиф.

Л.Н. Толстой в Оптиной пустыни

Лучшим подтверждением того, что нахождение под стенами скитской обители так чудно, благотворно, притягательно действует на человеческую душу, может служить также и тот факт, что здесь находил покой и, очевидно, единственное место для отдыха изболевшей, исстрадавшейся души, запутавшейся в сетях самомнения и гордыни, отрицавший Божественного Спасителя мира, Л.Н. Толстой.

Вот что рассказывал мне один из гостинников: «Нередко бывал в нашей обители граф Л.Н. Толстой. В книгах для записи посетителей Оптиной пустыни гостиницы № 1 есть его подписи. Когда был жив старец Иосиф, Толстой довольно часто посещал этого старца, вел с ним продолжительные беседы. Нередко посещал нас граф и так. Не забывал нашей обители. Только уж как-то по особенному. Приедет верхом, отдаст лошадь на гостиницу о. Пахомия, а сам дорогой, мимо этой последней гостиницы, уйдет в лес, за скит, найдет себе там пенек. Сядет на него, да и сидит, не сходя с места по несколько часов, думая какую-то, очевидно, тяжелую думу. Потом берет лошадь и уезжает к себе».



Н. Ге. Портрет Л.Н. Толстого

Этот рассказ гостин-ника, если поставить его в связи с последним посещением Л.Н. Толстого, о котором мы будем говорить ниже, может служить лучшим подтверждением непреодолимой силы того влечения в Оптину пустынь, о котором мы говорим.

В Оптиной пустыни бывали также: великий князь Константин Константинович, М.П. Погодин, Ф.М. Достоевский, Вл.С. Соловьев, К.Н. Леонтьев, А.С. Хомяков и др. И все они, по их личному свидетельству, выносили это непередаваемое чувство великого влечения к обители.

Старцы

Самым первым старцем – основателем Оптинского старчества, – был отец Леонид, ближайший сотрудник вышеописанного Моисея. И сейчас еще есть люди, которые помнят величественную фигуру этого старца, названного в схиме Львом. Почти постоянно в белой одежде, прикрытой сверху полумантией, с белыми волнистыми волосами, он производил, говорят, неотразимое впечатление.

Когда он поступил в Оптину пустынь, он сразу положил на нее какой-то исключительный, своеобразный отпечаток.

Чрезвычайно простой, искренний, непосредственный человек, крайне чуткий и экспансивный, он сумел соединить в себе в одно и то же время необычайную любовь к страждущему человечеству, ради которого он готов был пойти на крест, в самом точном смысле этого слова, и за которое он часто, будучи свидетелем проходивших перед его глазами неприкрытых покрывалом житейской лжи бед, скорбей и страданий, проливал обильные слезы, приносил Господу горячие молитвы, и в то же время в деле исповедания Христа был молниеносен, горяч до крайности.

Обительские насельники, как только прибыл к ним старец Леонид, всей душою поняли этого великого человека и сплотились вокруг него одной семьей.

Чудную картину, говорят очевидцы, представляла в то время эта форма единения старца с доверявшими ему свою душу обительскими иноками. Все иноки стоят в его келье во время беседы на коленях вокруг него, а он, как добрый пастырь среди своих учеников, выслушивает их откровенную исповедь, умудряет их своим жизненным и духовным опытом.

М. Нестеров. «Святая Русь»

Как всякий истинный светильник не может скрываться под спудом, старец Леонид тотчас же раскинул лучи носимого им света по очень большому радиусу. Благотворное влияние его на иноков сделалось известным всем окружным обителям, и к нему то и дело стали приходить иноки из других монастырей, искавшие духовной поддержки, руководства и совета. Вслед за этим известность о великом старце распространилась и среди мирян; и из городов и соседних селений стали появляться люди всякого звания. Слова и советы старца поражали приходящих своей прозорливостью, своей неземной мудростью; молитвы его приносили желанные результаты, и двери старца не закрывались уже ни перед кем.

Преподобный Лев Оптинский (Леонид Наголкин)

Таким образом, старцем Леонидом было положено начало старчества среди мирян.

Человеческая нужда влекла всех к прославившемуся своим внимательным отношением к человеческой скорби старцу Леониду.

Старец Леонид был человек редкой неподкупности, и, если действительно в уставную особенность Оптиной пустыни по преданию было заложено нелицеприятие, то старец Леонид был одним из наиболее ярких выразителей его.

Были очень часто такие примеры, где старец, провидя в только что вошедшем какой-нибудь тяжелый порок, какой-нибудь великий грех, несмотря на внешнее положение носившего этот порок или грех, обличал его очень сурово.

Были случаи, что он выгонял таких, которые приходили к нему с видимым лицемерием.

Рассказывают такой случай. Недалеко от Оптиной пустыни жил помещик, который хвалился; что стоит ему только взглянуть на о. Леонида, как он сейчас же насквозь увидит его. Вот однажды этот помещик и приехал к старцу. Келья, по обыкновению, была полна народом. Входит в келью. Роста он был очень высокого и чрезвычайно полный. Отец Леонид имел такой обычай: когда хотел произвести на кого-нибудь особенное впечатление, то, загородив глаза рукою, при-ставя ее ко лбу козырьком, как будто рассматривал какой-нибудь

предмет на солнце. Так он сделал и при входе этого помещика. Поднял руку к глазам, смотрит и говорит: *«Эка остолопина идет! Пришел насквозь увидать грешного Леонида, а сам, шельма, семнадцать лет не был на исповеди и у Святого Причастия».* Помещика эти слова так поразили, что он весь затрясся, а после плакал и каялся, что он действительно неверующий грешник; что он действительно семнадцать лет не исповедывался и не причащался Христовых Таин.

Был другой случай: один очень богатый помещик, много благодетельствовавший обители, до глубокой старости жил в незаконной связи со своей крепостной, хотя имел законную жену и взрослых женатых уже сыновей и дочерей. Зная зависимость, до некоторой степени, от него обители, он обратился с просьбой к архимандриту Моисею, чтобы тот попросил у о. Леонида разрешения исповедоваться ему у него.

Таинство исповеди. Икона. Конец XIX в.

Каково же было удивление помещика, когда старец отказал ему в этом. Тогда помещик снова начал усиленно просить архимандрита и других близких к старцу людей. Эти просьбы склонили старца; он согласился, но заявить, что за последствия не ручается. Помещик испо-

ведовался, но старец не допустил его к Святому Причастию. Нетрудно себе представить, что должен был испытывать этот господин, который, как оказывается, был необычайно властным человеком и не понимал по отношению к себе ни противодействия, ни препятствия.

И при всем этом неловкость его положения усугублялась еще тем, что он приехал к старцу со старшей замужней дочерью, которая в то время за эту открытую правду была чрезвычайно благодарна старцу.

Напрасно помещик обращался к настоятелю и к другим лицам о заступничестве – все, зная непреклонность старца, отказали ему в этом. Помещик уехал домой и менее чем через месяц порвал незаконную связь.

Что касается громадного духовного опыта и прозорливости старца Леонида, о них существует очень много рассказов, и как на один, наиболее характерный из них, укажу на следующий.

Однажды, в конце 20-х или 30-х годов XIX столетия, он проездом посетил Софрониеву пустынь. В то время там был известный своею прозорливостью затворник иеросхимонах Феодосий.

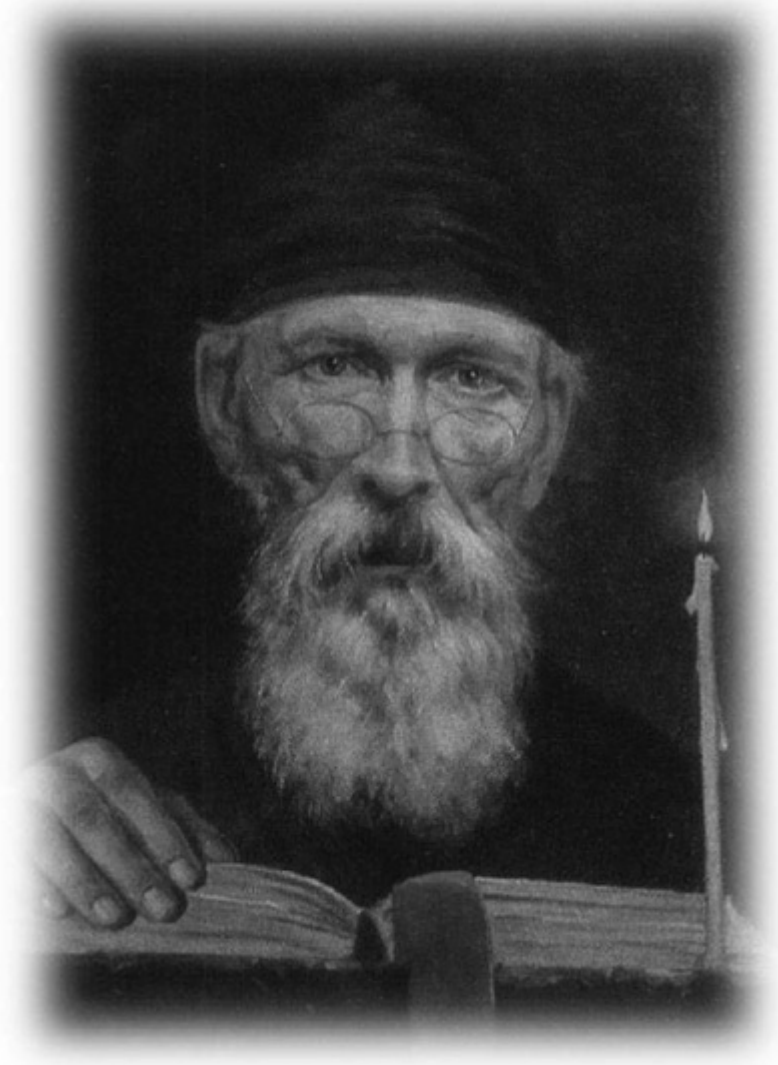
Про него рассказывают, что он предсказал войну 1812 года и некоторые другие события. Побеседовав с затворником, о. Леонид спросил его, как он узнает и предсказывает будущее. Затворник объяснил, что Дух Святый является ему в виде голубя и говорит человеческим языком.

В. Васнецов. «Серафимы». 1885–1896

О. Леонид, видя, что это явная бесовская прелесть, начал предостерегать затворника, говоря, что таким явлениям доверять не следует, и к ним должно относиться с особенной осторожностью. Затворник очень обиделся и сказал о. Леониду: *«Я думал, что ты, как и все, пришел ко мне, чтобы поучиться и попользоваться от меня, а ты дерзаешь еще меня учить».*

О. Леонид удалился от него и, уезжая, предупредил настоятеля пустыни: *«Берегите вашего затворника, как бы с ним не случилось чего худого».*

И действительно, не успел о. Леонид доехать до Орла, как до него дошел слух, что иеросхимонах Феодосий удавился.



В. Тропинин. «Монах со свечой». 1834

Но лишь только деятельность о. Леонида в Оптиной пустыни стала разрастаться и к нему пошел со всех сторон народ, на него, как и всегда водится, сатана воздвиг жестокое гонение. Кто-то из невежественных монахов ближайшей обители, отождествив откровение помыслов мирянами старцу с исповедью, донес о нем архиерею, и последний воспретил ему принимать мирян. И вот здесь сказалось: какая сила и глубина веры, какая независимость и неподкупность духа, твердость убеждения и именно христианское понимание великих слов апостола: *«пребывайте в служении*», проявились в этом человеке. Он продолжал неукоснительно принимать мирян; и народ как будто бы еще больше шел к старцу.

В один из таких приемов, протискавшись через огромную толпу народа, пришел к нему настоятель, архимандрит Моисей, и напомнил о запрещении архиерея. Леонид вместо ответа приказал принести привезенного к нему недвижимого калеку, лежащего у дверей кельи, и сказал о. Моисею.

– Посмотрите на него: он живой в аду. Но ему можно помочь; Господь привел его ко мне для искреннего раскаяния, чтобы я мог его обличить и наставить. Могу я его не принять?

Любвеобильный и тоже сострадательный о. Моисей дрогнул перед словами старца и робко проговорил:

– Но ведь преосвященный грозил послать вас под начало.

– Ну так что ж? Хоть в Сибирь меня пошлите, хоть костер разведите, хоть на огонь поставьте – я буду все тот же Леонид. Я к себе никого не зову, а кто приходит ко мне, тех гнать от себя не могу… Не могу презреть вопиющие людские нужды.

В. Гау. Филарет, митрополит Московский. Гравюра, 1837

А когда его упрекало белое духовенство в том, что он занимается не своим делом, он смело говорил:

– Это бы ваше дело. А скажите, как вы исповедуете? Два-три слова скажете, вот и вся исповедь. Вы бы вошли в положение каждого из своих духовных детей. Разобрали бы, что у них на душе. Давали бы им полезные советы, утешали бы их в горе, и не уходили бы они от вас.

Хотели о. Леонида за сопротивление архиерею сослать в Соловки, но для человека, глубоко верующего в Господа Бога и высоко держащего знамя своего служения, для истинного христианина – злобные происки сатаны – все равно, что рычание беззубого льва, потому что Господь всегда стоит на страже около полностью доверившихся Ему. Заступничество Филарета, митрополита Московского, и Филарета, митрополита Киевского, спасло этот великий светильник: его оставили в покое.

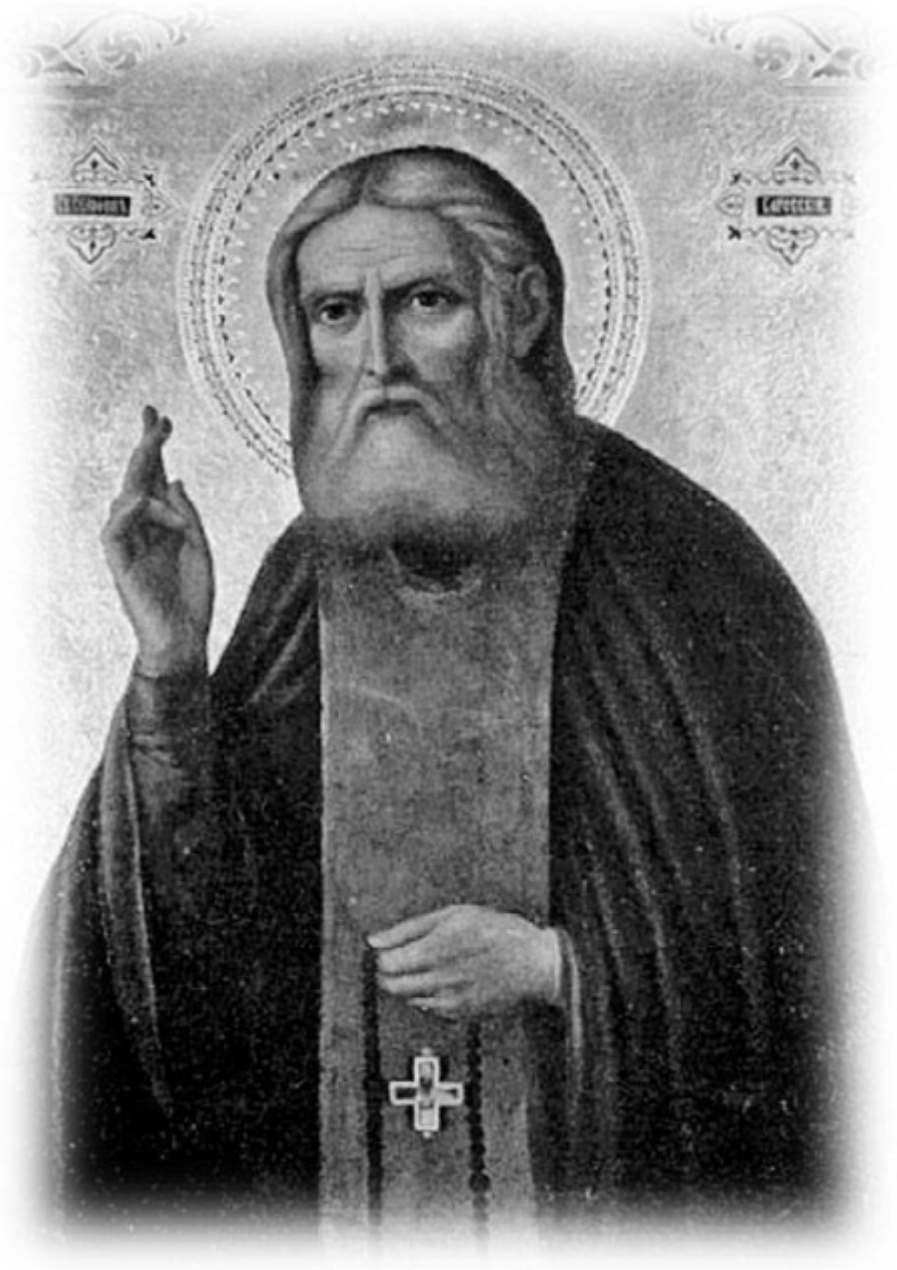
И он потух по воле призвавшего его к Себе Творца 11-го октября 1841 года, оплакиваемый тысячами оставленных им сирот.

Известный всей читающей России духовный писатель Е. Поселянин выразил прекрасную мысль, что последовательная лествица трех Оптинских старцев: Леонида, Макария и Амвросия, – представляет собою по мере достигнутой ими духовной высоты, известности и влияния три все выше и выше поднимающиеся ступени.

Второй знаменитый Оптинский старец, иеромонах Макарий, был ближайшим учеником, другом и помощником старца Леонида и, само собой разумеется, тотчас же заместил этого последнего.

Старец Леонид установил, если так можно выразиться, первую точку соприкосновения с миром, лежащим за оградой Оптиной пустыни; первый реальным примером указал всю важность нравственно-воспитательного значения иноческой жизни – для простого народа; истинную задачу служения иночества: спасение своей души спасением душ наших ближних, непрестанным исповедыванием перед людьми Господа Нашего Иисуса Христа и Его великого учения. Он как представитель Русской Православной Церкви, твердо охранял принципы и догматы великого православия. А старец Макарий увеличил эту область общения точкой соприкосновения иночества с русской интеллигенцией.

Будучи человеком для своей эпохи образованным, происходя из хорошего дворянского рода, он читал много духовной литературы, в том числе и переведенной с греческого и славянского языков.



Преподобный Серафим Саровский

И на нем знаменательнее всего оправдался следующий факт.

Если Божественной про-мыслительной волею ниспосылается на Землю носитель великой Боговдохновенной мудрости, искусный влиять на пытливый ум искренно ищущих разрешения духовных проблем жизни, – весть об этом избраннике проникает в сердце именно тех, кто искренно алчет и жаждет правды.

Посмотрите: засветился в чаще непроходимых Тамбовских лесов великий Божий светильник – Серафим, и, несмотря на то, что не было в то время широкой сети телеграфов, а тем более телефонов, да и почта-то была так бедна, так несовершенна, что не была в состоянии, благодаря отсутствию железных дорог, своевременно обслуживать даже центры нашего беспредельного отечества, не говоря о далеких окраинах, а между тем какие нескончаемые волны паломников потекли из самых отдаленных уголков нашего отечества к этому великому подвижнику Христовой любви и смирения.

Точно то же мы видим и в великой возникшей деятельности старца Леонида в Оптиной пустыни: весть об этом посланнике неба разошлась со страшною быстротой среди наших соотечественников, чего теперь не в силах достигнуть самые великие, самые известные ученые, врачи, художники, несмотря на целый ряд многочисленных земных орудий, служащих распространению известности.

И к старцу Макарию потекли люди великого ума, великого искания, и с помощью этих людей о. Макарий создал специальную Оптинскую литературу.

Великое влияние этого старца излилось на искавшую правды, света и добра душу нашего великого писателя Н.В. Гоголя.

Около Макария приютились имена Киреевских, Леонтьева, Погодина, Соловьева, Достоевского, не говоря уже о православном русском духовенстве. И, помимо многочисленных посетителей, у о. Макария была огромная переписка с разными лицами, так что одних писем, напечатанных после его смерти, было шесть томов.

И вот, в сферу деятельности о. Макария, всесторонней деятельности: и устной, и духовно-литературной, в Оптину пустынь, под руководительство его, вступил известный почти всему образованному миру, не только в России, но и за границей, старец Амвросий.

Об этом великом человеке и праведнике нашей эпохи создалась огромная литература, замечательной особенностью которой следует назвать то, что сколько бы ни писали о старце Амвросии книг, они с жадностью читаются все.

В. Перов. Портрет Ф.М. Достоевского. 1872

Старец Амвросий появился в Оптиной пустыни и приковал к себе внимание исключительно интеллигентских кругов в тот момент, когда эта интеллигенция была охвачена проникшей в нее западноевропейской философией, которая все больше покоряла сердца увлекающейся молодежи, и когда на горизонте русской мысли вырастал ужас толстовского движения.

Ни сам старец Амвросий, ни Оптина пустынь, ни Иоанно-Предтеченский скит, ни множество паломников, приходивших к старцу, как к источнику живой воды, – никто из них не знал той великой задачи, того великого дела, которое руками старца закладывал Великий Промыслитель всего живущего в мире – Господь.

Я недавно видел изумительные результаты великого дела, если так можно выразиться, созидающегося и посейчас по воле Божией, на могиле Амвросия.

В. Верещагин. «Святой Григорий проклинает умершего монаха за нарушение обета бессеребрия». 1869

Один только что женившийся молодой человек, правовед, занимающий видное служебное положение, к религии человек настолько безразличный, что, когда его совершенно неверующая жена категорически заявила няне своих трехлетнего Вовочки и 1 S-годичной Ани, что она *«никаких глупостей*, *вроде крестов»* на детей надевать не будет, потому что, видите ли, ребенок может крестом и пораниться (?), и уколоться (?!); и что водить она к глупому обряду Причастия своих детей, дабы их не заразить какой-нибудь болезнью, тоже ни за что никогда не будет, – отнесся к этому в высокой степени безразлично. Год назад, совершенно случайно, читал в моем присутствии один господин, бывший у них в гостях, о старце Зосиме из «Братьев Карамазовых». Этот господин, как оказывается, бывал в Оптиной пустыни, и говорил после о том, что хотя в обществе и говорят, – старец Зосима списан Достоевским со старца Амвросия Оптинской пустыни, это не совсем верно, так как Зосима Достоевского ни в характере, ни в способе говорить, совершенно не похож на праведного Амвросия.

Разговор сразу перешел на вопрос о том, кто такой старец Амвросий. Любезный гость рассказал все, что ему было известно об этом великом человеке. Перешли на беседу об Оптиной пустыни, о старцах – вообще. Словом, муж и жена так заинтересовались Оптиной пустынью, старцем Амвросием и другими старцами, что решили первыми свободными днями отправиться на могилку старца Амвросия, и – в настоящее время более религиозной и верующей семьи, как эта юная семья, я не встречал. Как муж, так и жена редкую субботу и воскресенье пропускают посещение церковной службы. Дети регулярно причащаются. Во всех комнатах находятся образа с горящими лампадами, о чем раньше нельзя было и мечтать; и, мало этого, в нынешнем году (1913), в книге только лишь одной монастырской гостиницы я встретил три-четыре фамилии бывших в этой семье людей, тоже не отличавшихся особенной верой.

Старец Амвросий был неизмеримо велик тем, что, во-первых, он человек нашего времени, нашей эпохи. Плоть от плоти нашей, кость от костей наших. Во-вторых, – человек сравнительно развитой. Он окончил семинарию, а затем в ранней молодости был учителем в Липецком духовном училище. Далее, Александр Михайлович Гренков—так звали Амвросия в миру, был человек жизнерадостный, веселый, танцор, душа общества, для которого монастырь был синонимом могилы.

И вдруг этот человек в монастыре!

Вдруг этот человек, самый обычный, такой же, как мы, личной жизнью и примером свидетельствует, что избранная им жизнь есть идеал того счастья, к которому все мы стремимся.

Этот человек делается обладателем целого ряда духовных даров: прозрения, исцеления, дара духовного назидания и т.д., и т.д.

Мало этого, мы знаем, что этот человек в течение первых лет своей молодой жизни был угнетаем целым рядом мучительных, тревожных вопросов.

И вдруг этот человек получил возможность сам разрешать сомнения целой массы людей; сам – исцелять больные, страдающие души; отвечать на самые сложные, самые мучительные вопросы в жизни.

Значит, служение Богу – не фикция, не досуг праздного ума, а что-то реальное, ощутимое?

И многие умы, не только юные, но даже зрелые, задумываются над этим фактом, как над таким, который сразу разрушает все догматы отрицания, сеет еще большие семена сомненья в грубый материализм и еще энергичнее отводит человеческий взор от новых принципов неверия к давно забытой, чистой, невинной, оживляющей человеческую душу и бодрящей жизнь – вере.

Не буду утомлять вашего внимания подробным очерком жизни этого великого человека, а отсылаю к прекрасным трудам Е. Поселянина «Праведник нашего времени, Оптинский старец Амвросий», и протоиерея С. Четверикова «Описание жизни Оптинского старца Амвросия».

Там можно найти много, над чем следует подумать; что может глубоко запасть в человеческую душу и отразить в ней самые благодатные, живительные начала.

Здесь я скажу только лишь то немногое об этом человеке, что мне пришлось услыхать от людей, близко знавших этого великого праведника.

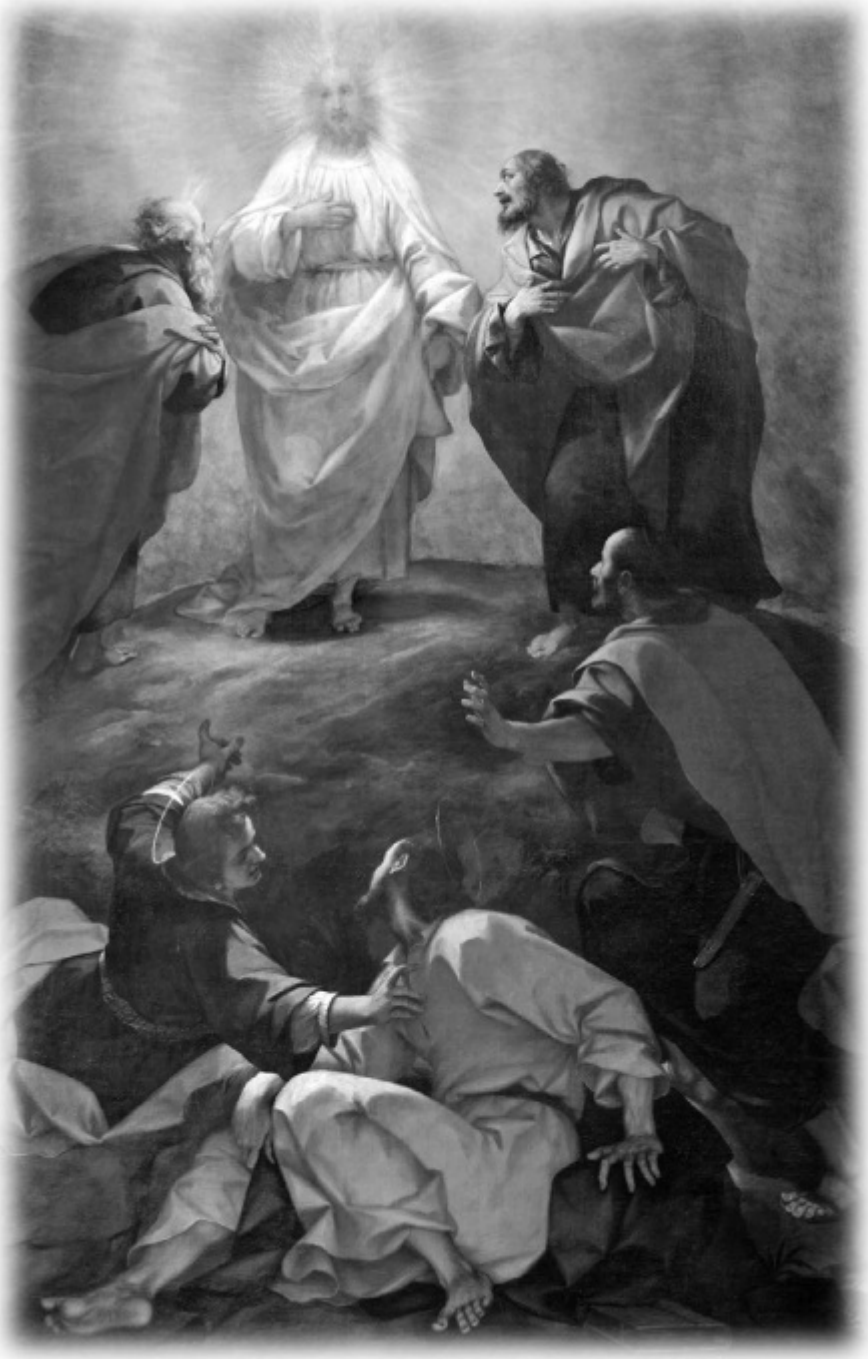
Старец Амвросий совмещал в себе решительно все, что нужно человеку в самом точном смысле этого слова.

Старинная гравюра «Добрый пастырь».Из книги «История Церкви», 1880

Он шел и на скорбный стон простой деревенской женщины с тяжелыми нуждами ее «бабьей» доли. Он шел навстречу и богатому барину, пресыщенному удовольствиями жизни, и с душой, отравленной – чтобы только она молчала, не стонала, не вопила, – ядом широкого разгула пьянства, разврата, картежной игры.

Он шел и навстречу юному идеалисту, который запутался между «древом жизни» и «древом познания добра и зла», и с страшной беспомощностью шел к старцу, рассчитывая увидать чудо и поверовать.

И старец давал ему это чудо: он тихими словами изумительного смирения, великой любви, проникал в ищущую душу молодого человека и открывал ему правду жизни.



Преображение Господне. Фреска. Фото Й. Седмак

Когда старец Амвросий после Макария выступил на самостоятельный подвиг старчества, у него не было минуты, чтобы кто-нибудь не приходил к нему Надо было видеть количество посетителей при о. Амвросии Оптиной пустыни. В гостиницах не хватало мест; не хватало ямщиков для перегона между Оптиной и Калугой, – тогда ездили в Оптину через Калугу. Посетители неделями дожидались десятиминутного разговора старца. И нужно было удивляться, когда успевал этот великий, и в то же время чрезвычайно слабый здоровьем человек удовлетворять всех жаждущих его. А между тем он находил время и для чтения псалмов, часов, акафистов Спасителю и Божьей Матери; затем диктовались письма; и между этим временем шел непрерывный прием посетителей.

В своей переписке старец Амвросий касался решительно всех вопросов, и нужно удивляться той эрудиции, той глубине знания, и, главным образом, знания человеческой души, с которыми он обсуждал и разрешал самые жизненные вопросы.

Старец Амвросий, прямым продолжателем его следует назвать ныне старчествующего о. Анатолия, являл собой тип истинного, полного духовной жизнерадостности христианина-оптимиста.

Истинно верующий в Господа христианин – тот, вера которого совершенно искренно, безо всякой хотя бы малейшей натяжки понуждает его все свои заботы возлагать на Господа, ибо Он печется о нас.

Поэтому он всегда должен быть оптимистом в точном христианском смысле этого слова.

Храм в честь Преображения Господня в Оптиной пустыни. Фото А. Митрофанова

И вот почему старец Амвросий, всегда измученный, осаждаемый просьбами, всегда находившийся в скорбнице человеческих страданий, несмотря на свою болезнь, на свой более чем 70-летний возраст, – всегда сиял радостью, ясностью и обладал той нравственной бодростью, которую вливал в человеческие сердца.

Нужно ли говорить, что этот человек был живой носитель милосердия и что никто из обращающихся к нему за помощью не отходил от него без нее.

Но, помимо своих назиданий, христианской горячности и милосердия, старец привлекал к себе людей чудными дарами прозорливости и исцеления. Причем в последнем случае высокое служение Христову смирению побуждало его очень часто ставить этот дар в такие условия, при которых он вперед лишал возможности приходящего к нему прославить в нем при жизни это великое Божие благословение.

Обыкновенно он делал так: придет к нему какой-нибудь больной, он побеседует с ним, выслушает его скорбь, а потом и направит его или к Тихону Калужскому, или к Серию Преподобному, и уже по дороге туда больной получает исцеление. Хотя в то же время рассказывают немало и таких случаев, где старец оказывал непосредственное исцеление, осеняя больного или крестным знамением или только лишь словами утешения. Но он всегда давал ясно понять исцеленному, что это «не он, не его сила», а сила Всемогущего Бога или Царицы Небесной.

Что касается дара прозорливости, то в этом отношении около старца Амвросия сосредоточены целые анналы мелких и крупных событий.

Чрезвычайно характерные и трогательные эпизоды сообщил нам из этой области ныне благополучно здравствующий архимандрит мужского Боровского Преподобного Пафнутия монастыря о. Венедикт.

О. Венедикт, как мы уже говорили раньше, был в продолжение многих лет письмоводителем старца Амвросия и его ближайшим учеником.

«И вот, говорит он: приходили к батюшке Амвросию ежедневно сотнями письма. Прочитать, просмотреть их все вовремя не было никакой физической возможности. Батюшка начинает беспокоиться и спрашивать, не получено ли было от такого-то письмо. Ну где же упомнить. Тогда он сам подходит к письмам, вынимает письмо и начинает, не читавши его, говорить, что ответить автору этого письма. Распечатываю письмо, читаю, оказывается, действительно, как раз об этом и спрашивают батюшку.

Далее, – батюшка прекрасно знал, какое беспощадное влияние оказывают на человека злые духи и бесы, и он всегда улавливал момент этого влияния на близких ему людей. Особенно это часто приходилось наблюдать вот при каких условиях: сидишь, пишешь, а он тебе диктует. В течение всего времени следишь за мыслью батюшки, вдруг, как это часто бывает, мгновенно, как будто какая-то рука властно выхватывает твою мысль, отводит ее совершенно в другую сторону и переносит ее на совершенно другой предмет, – и в тот же самый момент старец, бывало, бросает в меня носовой платок и говорит: «посмотри, что ты написал», и действительно оказывается я начинал уже писать совершенно не то, что диктовал мне батюшка…»

Чудный дар прозорливости старца Амвросия по своей необычайности проникновения, и по своей, если так можно выразиться, простоте и легкости, можно смело сказать, превзошел все, что до сих пор было известно в этой области.

Нет ни одного человека из посещавших его, который не испытал бы лично на себе это изумительное свойство великого праведника.

С самых первых слов встречи старец без всякого вопрошания, как бы мимоходом, иногда касался таких тайников человеческой души, что сразу завоевывал эту душу и направлял ее к Божественной правде.

Про этого человека в этом отношении смело можно сказать, что он приуготовил свой талант, данный ему Богом, в необычайном изобилии. Он им распоряжался удивительно разумно, и всегда так, что клал им на человеческую душу глубокий след.

М. Нестеров. «Пустынник». 1888–1889

Рассказывают, что приехал к нему один человек, который, стремясь к наживе, очень часто не брезговал дешевым приобретением мелкой фальшивой серебряной монеты и сбытом ее. Старец при первой встрече с этим человеком, заведя разговор о чистоте души и об ее искренности, взял лежавший неподалеку от него старинного чекана четвертак, и сказал: *«Искренность отношения к людям все равно, что приносимая Богу в жертву хорошая монета, а лицемерие, все равно, что фальшивая. Вы ведь вот мастер насчет этого, сейчас узнаете, фальшивая вот эта монета или нет ?»* — показал он, протягивая посетителю серебряную монету Пришедший был так поражен этим фактом, что упал перед старцем на колени, рыдая, и просил его молиться об избавлении его от этого греха.

Белый ангел. Фреска. Фото П. Марьяновича

Или другой случай: приехал к нему один пожилой человек, который, имея у себя жену и детей, вел чрезвычайно безнравственный образ жизни, и имел одновременно по несколько сожительств с женщинами, всех их обманывая. Старец завел речь о вере в Бога. Говорил убежденно, с большой искренностью и увлечением. Посетитель слушал и недоумевал; человек он был, по своему убеждению, глубоко верующий, – почему же старец так подчеркивал ему в своей беседе ужас и грех неверия; и был как громом поражен, когда вдруг старец как-то особенно ласково, нежно, даже как будто с какою-то робостью в голосе говорит ему: *«Истинная вера человека настолько перерождает его душу, что он в своих собственных делах, в своих собственных поступках делается неузнаваемым самому себе. Вот взять хотя бы жену самарянку. До своей встречи с Иисусом она имела пять мужей. А несомненно, после беседы с Божественным Спасителем мира, о Котором она пошла с проповедью по своей стране, она сделалась женою только лишь одного человека».* Посетитель понял, к чему клонилась речь старца.

Приезжает с целью испытания старца юноша, студент. Молодой человек, когда-то веровавший в Бога и очень любивший своих родителей, но в последнее время, сделавшись жертвою новых современных теорий, увлекшись какой-то пожилой да вдобавок замужней женщиной, почти совсем отошел, к прискорбию родителей, от церкви и от веры. Лишь только он вошел к старцу, последний, лежавший до этого момента, по случаю болезненного состояния, в постели, вдруг заторопился, встал, пошел навстречу к юноше; порывисто обнял его и сказал: *«Как я рад, как я рад увидеть вас!.. Ведь вас многие не любят, многие осуждают, в особенности ваши родители, а ведь они совершенно не знают, что вы очень, очень скоро оставите все свои заблуждения и вернетесь к тому, что так любили, во что веровали».*

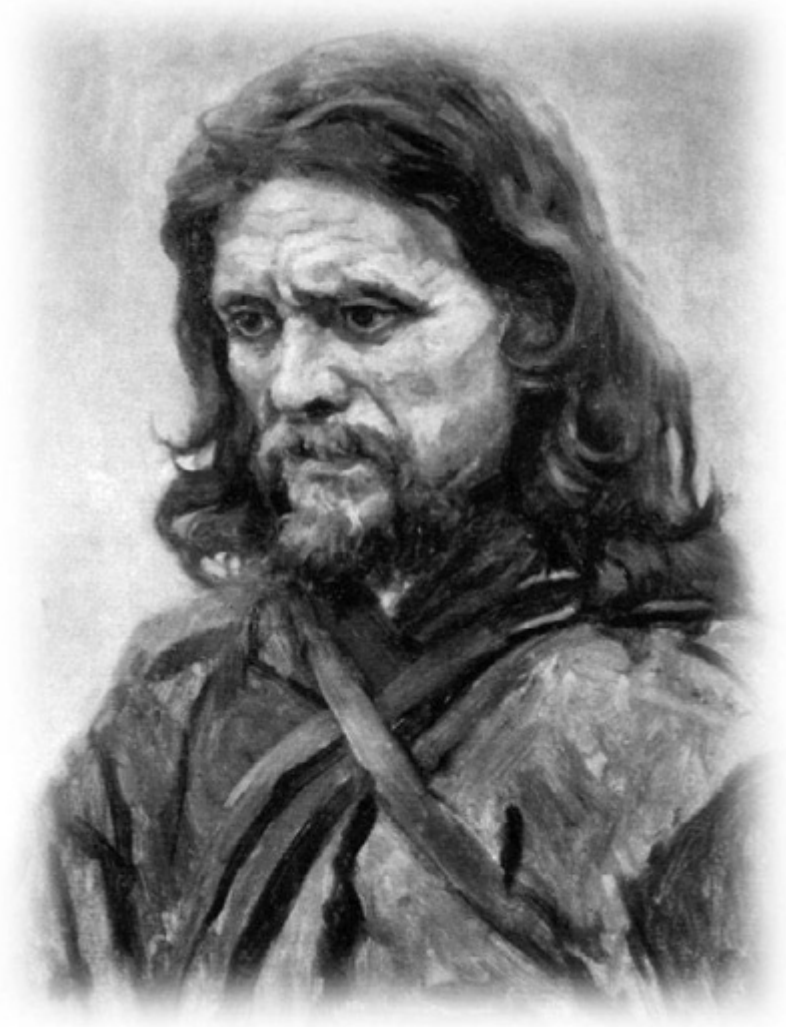
Высокий феномен прозорливости с необыкновенным чувством любви, тепла и сердечности так повлиял на молодую душу, что юноша разрыдался, как ребенок, и через короткий промежуток времени действительно все бросил, поступил священником и в настоящее время занимает видное в духовном мире положение, как ревностный служитель церкви.

Если бы я начал рассказывать дальше о великой прозорливости старца Амвросия, только то, что слышал я во время своих двух путешествий в Оптину, то и это составило бы довольно солидную книгу.

А какая масса была зарегистрирована случаев чрезвычайно высокого напряжения этого дара, являющегося ответом или на чью-либо великую переживаемую скорбь, или на мысленный призыв помощи старца лиц, находящихся от него на очень далеком расстоянии.

Расскажу два случая; один, слышанный мною от его преосвященства, епископа Трифона, а другой – от одного из помещиков соседнего с Оптиной пустынью имения.

Один, бывший когда-то очень богатый человек, благодаря различным случайностям жизни разорился в самом точном смысле этого слова и переживал один из тех мучительных периодов, которые неизменно следуют за утратой большого состояния. Он должен был поступить на должность, но к некоторым у него не хватало духа самому обращаться, а другие сами отказывали ему в том соображении, что какой может быть работник тот, кто сам был хозяином, да еще богатым. Нужно заметить, что как этот человек, так и его жена были люди очень высокого милосердия, никогда никому и ни в чем не отказывали, и ввиду того обстоятельства, что их дом стоял неподалеку от большой проезжей дороги, они не отказывали ни одному проходившему мимо них страннику, обращавшемуся к ним за уютом и ночлегом.



В. Суриков. Странник-богомолец. Этюд для картины«Боярыня Морозова». 1885

И вот в один из неприятных дождливых осенних вечеров сидит у окна этот несчастный и думает свою тяжелую думу.

Средств нет, места нет, хоть ложись и помирай с голоду. Вдруг смотрит – сворачивает с большой дороги старик, очевидно, странник, и идет прямо к его окну. Так как на улице моросил мелкий дождик, то этот господин отворил окно и говорит ему: «Денег у меня, старичок, нет, и подать тебе нечего, а если хочешь укрыться от дождя, то войди и посиди тут». Старик вошел, уселся напротив хозяина, стал его расспрашивать о разных разностях, и, между прочим, о его делах. Хозяин с грустью рассказал о своем тяжелом переживании; и, когда закончил свой рассказ, странник сказал ему: *«Да что ж ты, барин, мед-лишь-то: неподалеку от тебя, всего в каких-нибудь 12 верстах находится такой человек, как старец Амвросий, и ты не съездишь к нему за советом ? Ведь как много людей к нему ездят, и все получают каждый, что ему нужно… Издалека ездят… Человек он с большим знакомством, с большими связями, быстро поможет тебе».* И так странник расположил радушного хозяина, что последний начал расспрашивать, как можно ближе пробраться к о. Амвросию, как его увидеть, и решил завтра же утречком выехать на лошади и непременно побывать у старца.

Исцеление Иисусом десяти прокаженных. Фреска

Во время этой беседы к ним в комнату несколько раз заходила жена хозяина. Кончилась эта беседа, странник взглянул в окно и заторопился идти, потому что стало смеркаться. Хозяин не стал задерживать странника. Последний быстро собрался и вышел. Как раз вслед за его уходом вошла жена, и, не видя странника, спросила мужа: куда же он девался. Тот ей сказал, что странник ушел совсем. Она выразила очень большое неудовольствие: *«Как же это ты так отпустил человека на ночь глядя, в такую плохую погоду и даже не предложил стакан чая?.. Другим чем не могли обласкать человека, а чаем-то могли бы напоить и согреть»*. Помещик, выслушав это, прямо пришел в ужас: как это он не мог догадаться сделать того, что делал постоянно по отношению почти к каждому прохожему. И, предполагая, что странник еще недалеко, так как он только что вышел, выскочил наружу, чтобы вернуть его. Но увы, хотя место перед ним было открытое, как он ни смотрел кругом, старик точно в воду канул. Пришло утро, запряг этот человек лошадку и поехал в Оптину. Приезжает, разыскивает, как указал ему странник, келью старца; ожидает очереди. Входит в келью и глазам не верит: перед ним стоит вчерашний странник. Помещик вскрикнул было в изумлении, но батюшка Амвросий велел ему ни слова не говорить о случившемся, а сам вошел в соседнюю комнату и говорит кому-то: «Ну вот, дорогой мой, я вам самого хорошего управляющего нашел». Потом вернулся к обедневшему богачу с каким-то господином, познакомил их, и через полчаса впадавший было в отчаяние имел прекрасное место.

Другой случай, слышанный мною от одного из соседних с Оптиною пустынью помещиков, следующий.

У одной госпожи в течение многих лет страдал алкоголизмом ее любимый старший брат. Что человек ни перепробовал, к кому ни обращался, ничего не выходило, а между тем у несчастного рушились и здоровье, и средства. В конце концов дело стало так, что лечившие его врачи объявили, что если он не прекратит пить, то у него произойдет паралич сердца, и он погибнет. Бедная женщина потеряла голову и, не зная, что делать, вспомнила, что в Оптиной пустыни есть такой великий и праведный старец, который молитвою все может сделать; зажмурила глаза, и, хотя никогда не видала о. Амвросия, мысленно представила его себе и начала мысленно же просить его о помощи брату. Так как это было около ночи, вскоре после этого она заснула. И видит во сне: подходит к ней старый старичок, она сразу поняла, что это был старец Амвросий, и говорит ей: *«Купи в аптеке на четвертак травы черногорки-старонос, мелко изрежь, наполни две столовых ложки; завари в чайнике кипятком на пять чайных чашек; дай полчаса настояться в печке, потом вынь и пусть больной выпьет все пять чашек зараз, в теплом или холодном состоянии, это все равно. Так как трава эта очень горькая, то ее можно пить с сахаром или с медом. После приема может случиться рвота, но этого пугаться не должно, – это значит, что средство подействовало. Если после этого приема будет опять позыв на водку, то прием надо повторить. После этого лечения пропадет аппетит, но и это не беда, тогда только каждый раз перед пищей нужно принимать по 25 капель желудочный эликсир Витте с 10 каплями Гофманскими в рюмке воды»*.

Оптина пустынь. Храм в честь Марии Египетской

Женщина мгновенно проснулась, записала ночью этот рецепт. Наутро, когда встала, послала в город за травою. Покамест там ездили, искали траву, привезли ее домой, наступил вечер. Не желая упускать золотого времени, сердобольная сестра приготовила лекарство и уже почти на ночь напоила брата. К великому ужасу ее, перед тем, как ложиться спать, поднялась у брата такая рвота, что у бедной женщины, как говорится, опустились руки. И, как это всегда водится, стали в голове блуждать всякие мысли, в роде того, что-де какая я неосторожная, да разве можно доверять разным снам, а вдруг это какой-либо страшный яд. Словом, бедная женщина не могла заснуть всю ночь и заснула только лишь под самое утро. И снова видит этого же самого старичка, который подходит к ней и говорит: *«Не бойся, матушка*, *я тебе говорю, не бойся. Это безвредно, а рвота – это винное гнездо разоряется».*

В то время не было всех этих теорий о само-внушаемости, подсознании и тому подобном, – женщина встала успокоенная, и действительно, с этого момента стремление брата к спиртным напиткам, как говорится, как рукой сняло.

Много лет спустя эта женщина отправилась в Оптину пустынь, и каков же был ее нравственный восторг и удовлетворение, когда она увидела старца Амвросия именно таким, каким она его видела во сне.

Очень часто старец Амвросий касался будущего, но все это происходило у него в высокой степени осторожно, деликатно и смиренно, и дышало трогательной верой.

И очень часто наблюдались такие факты, которые подтверждают вышеприведенное иноческое правило не вопрошать об одном и том же по нескольку раз старца. Случалось так, что старец что-либо предукажет вопрошающему по первому разу. Последнему это или не понравится, или неудобно, невыгодно, не подходит с житейской точки зрения, – он начинает снова переспрашивать старца и упрашивать переменить свое решение. Как необычайно добрый, мягкий и кроткий сердцем, старец Амвросий поддавался таким просьбам и изменял свое решение, но… на деле всегда торжествовало его первое указание.

Относительно прозорливости старца Амвросия существует тоже чрезвычайно много записанных фактов, и из них особенно ярки следующие.

В 1875 году юнкер Энгельгардт окончил курс в Михайловском артиллерийском училище и в 1877 году пошел в качестве офицера на войну. Сестра его, Варвара Энгельгардт, жила в Зосимо-вой пустыни, Московской губернии, и здесь получила письмо от товарища брата, сообщавшее ужасную весть о том, что молодой 20-летний ее брат застрелился. В своем горе она кинулась в Оптину и со слезами передавала о. Амвросию не только свою скорбь об утрате брата, но еще более тяготившие ее опасения за его загробную участь. Когда на другой день она пришла к старцу, о. Амвросий встретил ее радостный и сказал ей, что брат ее жив и здоров. На вопрос ее: увидит ли она брата, – старец отвечал, что она узнает о нем лет через десять. Это предсказание исполнилось в точности. Через десять лет она получила из Америки письмо от брата, которой извещал ее, что он жив и здоров, и извинялся, что так долго держал ее в неведении о себе.

Зосимова пустынь. Надвратная колокольня. Фото А. Савина

Другие два случая я слышал от инокинь учрежденной старцем Амвросием Казанско-Амвросиевской Шамординской женской пустыни.

Высокоуважаемая матушка Наталия, урожденная Самбикина, ныне здравствующая, хотя и имела свою старшую сестру, м. Екатерину Самбикину, игуменьею этой обители, но не только не рассчитывала, не думала, но даже и не имела ни малейшего желания поступать в монастырь. Воспитавшись когда-то в богатом доме своих родителей и оставшись после их

смерти без средств, она хотя и занималась педагогической деятельностью, но, несмотря на свой тяжелый труд, не имела ни малейшего желания идти вослед сестры. А между тем мать Екатерина, будучи ближайшим другом и ученицей старца Амвросия, очень сокрушалась об этом, а в особенности о том, что молодая Наталия всячески отстраняла от себя возможность повидаться с ее духовным отцом и другом. И однажды в своей скорбной беседе поделилась этим горем с последним. Старец Амвросий успокоил м. Екатерину и сказал, чтобы она не принимала по отношению к своей сестре никаких мер, ибо в октябре месяце она поступит в Шамординскую обитель.

Амвросий Оптинский, основатель Шамординской обители. Икона

Но увы, проходил уже далеко не первый октябрь после этого предсказания старца, а Наталия Алексеевна и не помышляла о монастыре. Наконец так сложились обстоятельства, что ее потянуло к старцу Амвросию. Потянуло мощно, непреодолимо, а тут у ней скончался брат, – самое близкое и дорогое существо для нее, и ей нужна была какая-нибудь нравственная поддержка. Она обратилась к старцу Амвросию, и была вся охвачена красотой этой неземной сущности, этой любви, этого смирения. И вопрос о вступлении в иночество был решен ею бесповоротно, без малейшего давления с чьей-нибудь стороны. Это было ранней

весной, когда педагогическая деятельность заканчивается на летние каникулы, и ей казалось, что именно теперь и должно произойти ее поступление в монастырь. Но совершенно неожиданно для нее так сложились обстоятельства, что она вступила в обитель только лишь в октябре месяце, спустя девять лет после предсказания старца.

Распятие Христа. Фреска

Другой, тоже не менее характерный случай прозрения старца, в даль грядущего, сообщенный мне в Шамордине, был следующий.

Известный благотворитель Шамординой пустыни, С.В. Перлов, человек высокообразованный, воспитанный, полный энергии и самых недюжинных способностей, – как человек своего века и к тому же как один из самых крупных коммерсантов Москвы, постоянно вращавшийся в той среде, где бог – золотой телец, а служение ему выражается в личной сметке, предприимчивости и в искусстве вовремя купить и вовремя продать, – чрезвычайно скептически относился к религии – вообще, и веру в Бога принимал только лишь по традициям; хотя, как человек в высокой степени культурный и развитой, он ни на одно мгновение

не стеснял в религиозных побуждениях свою супругу, А.Я., эту очень большую женщину, – чрезвычайно религиозного и искренно верующего человека. И вот последняя, высоко ценя духовную природу и качества своего мужа, страшно скорбела душою об его индифферентности к вопросам веры, и очень часто высказывала свою скорбь старцу Амвросию, испрашивая его советов, что нужно предпринять для приведения к Распятому и Воскресшему Иисусу, и к Святой Апостольской церкви своего мужа. Старец успокаивал доброе сердце, полное Христовой любви, женщины и говорил: *«Попомни мое слово: С.В. будет нашим лучшим другом».*

И действительно, стоит только взглянуть сейчас на эти миллионные здания, которые воздвигнуты покойным С.В. Перловым, в Шамордине, о которых мы будем говорить ниже; стоит припомнить уверения этого маститого деятеля, что с тех пор, как он обратился к Господу, на него посыпалось, как из рога изобилия, чудное Божие благословение: *«Что бы я ни предпринимал за это время, что бы ни начинал, все мне давало в десять крат больше выгоды, нежели моим конкурентам*», – уверял он пред концом своих дней, – чтобы понять, что слова старца Амвросия были не словами праздного человека, а Боговдохновенного ясновидца.

Кроме архипастырей церкви, о. Амвросия посещали и многие выдающиеся светские лица, искавшие у него указания жизненного пути или ответов на мучившие их вопросы жизни. Был у него в 70-х годах Ф.М. Достоевский, приехавший к нему искать утешения после смерти горячо любимого сына. Старец отнесся к нему с расположением и сказал о нем: *«Это кающийся».*

Вместе с Ф.М. Достоевским был и Вл.С. Соловьев, о взглядах которого старец, как передают, отозвался неодобрительно. К.Н. Леонтьев жил несколько лет при старце Амвросии и по его благословению принял в Оптиной пустыни монашество.

В 1887 году о. Амвросия посетил Его Императорское Высочество Великий Князь Константин Константинович, проведший некоторое время с ним в задушевной беседе и после с любовью к нему относившейся.

Несколько раз был у старца граф Л.Н. Толстой.

В первый раз Л.Н. Толстой был у старца вместе с Н.Н. Страховым в 1874 году; во второй раз пришел пешком в 1881 году в крестьянской одежде со своим конторщиком и сельским учителем, а в третий раз в 1890 году приехал к нему со своею семьей.

Сильное впечатление произвел о. Амвросий на графа Л.Н. Толстого, во второй его приезд.

Свое впечатление от разговора со старцем Толстой передавал так: *«Этот о. Амвросий совсем святой человек. Поговорил с ним, и как-то легко стало и отрадно у меня на душе. Вот когда с таким человеком говоришь, то чувствуешь близость Бога».* Это было сказано гр. Толстым в 1881 г. А в 1890 г., выйдя от старца, он сказал окружающим его лицам: *«Ярас-троган, я растроган».*

Последние дни своей жизни старец Амвросий делил свою деятельность между по-прежне-му приходящим к нему скорбным людом и сози-данием указанной выше женской Шамординской пустыни, о которой мы будем говорить ниже. И, благодаря своему пре-клонному возрасту, изнурявшей его на протяжении многих лет мучительной болезни, 10-го октября 1891 года он отошел к Тому, Кому так чудно, так славно и так назидательно служил почти с ранней своей молодости, и к нему можно вполне применить прекрасное стихотво-рение, хотя и написанное на утрату другого лица, но сродного ему и по духу, и по деятель-ности, – великому старцу в миру – о. Иоанну Кронштадтскому.

…Он был жив, – мы сердцем не робели,
Он был жив, – и были мы сильней;
Умер он, – и мы осиротели,
Умер он, – и ночь еще темней.

Ночь темней, – а мы так одиноки
В грозном море – слабые пловцы…
Миру нужны вещие пророки
И с душою детской мудрецы.

В злобном вихре беспощадной битвы
Мир совсем забыл бы небеса,
Если б смолкли праведных молитвы,

Прекратились Божьи чудеса.

И нисходят в грешный мир святые,
И низводят с неба благодать…
Подвиг их – целить сердца больные
И умы заблудшие спасать.

Умер он – молитвенник народный,
Умер он – народный иерей,
И ненастной ночи мрак холодный
Стал еще темней и холодней.

Пусть он с нами вечным духом ныне,
Но не слышим мы его речей…
Не сияет в жизненной пустыне
Свет его ласкающих очей.

Оросив горячими слезами
Мертвый камень гробовой плиты,
Шепчем мы дрожащими устами!
«Без тебя мы в мире сироты».

Н. Кошелев. «Не плачьте, дщери Иерусалимские!» 1899. Церковь Святого Александра Невского на Александровском подворье в Иерусалиме

Московский Кремль, колокольня Ивана Великого. Фото С. Буторина

В заключение я не могу не сказать о том, что праведный старец Амвросий и после своей кончины не оставляет обращающихся к нему

В этом направлении уже есть много случаев, проникающих в печать и живущих в народе.

Старец продолжает свое служение, как и продолжал, и очень многие и по настоящее время посещают могилу великого старца, служа о нем панихиды, как великое благодарение за его незримую помощь.

Как на яркий факт, подтверждающий это, я считаю необходимым указать на следующий в высокой степени интересный случай, бывший лично со мною.

После того как оптинские старцы, как это мы увидим ниже, окончательно воскресили мою душу, и когда я твердо решился покончить со своим нехорошим прошлым, я, с бла-

гословения Его Высокопреосвященства Петербургского митрополита Владимира, по указанию старцев решил выступить на открытую проповедь против спиритизма, оккультизма и других знаний, тесно связанных с вызыванием духов, черной магией, и со всякой другой мерзостью, перед лицом Бога Живого, чему я когда-то так долго и ревностно служил. И я решил сделать первое свое выступление с публичной лекцией об Оптиной пустыни. Незаслуженная мною любовь и снисходительность ко мне высокоуважаемого епископа Дмитровского Трифона снабдила меня чудными картинами из его библиотеки об Оптиной пустыни; но мне хотелось, чтобы это мое начинание благословил великий почивший старец Амвросий, каким будет только угодно ему путем.

Я долго молился об этом; долго это было моей заветной мечтою, и, несмотря на то что я в это время находился в Москве, никакого общения ни с Оптиной пустынью, ни со старцами не имел – я тем не менее чувствовал и верил, что это благословение я каким-нибудь путем, но получу.

И моя вера не обманула меня.

Отправившись перед своим отъездом в Петербург, – где я впервые читал эту лекцию, – в Успенский собор испросить незримого благословения своего пути у великих московских святителей, я встретил там дивного христианина, преисполненного великой Христовой любви, ктитора собора, полковника А.В. Пороховщикова. Я его, собственно говоря, знаю давно, да и не знать уважаемого А.В. нельзя. Вечно живой, вечно трудящийся, вечно радующийся благолепию храма, радующийся своим трудам, своим заботам, он для меня, да простит мне это мое публичное признание, является, я думаю, как и для многих, знающих его, тою светлою искоркой на мрачном фоне жизни, которая с Христовой любовью, с Христовым смирением, твердо стоит «в своем служении», и поэтому лишние минуты беседы с таким человеком всегда дороги тем, что они обновляют каждую чуткую, сенситивную натуру. И я всегда если встречал и встречаю его, стараюсь неукоснительно послушать эти полные любви смиренные речи о Христе, о вере, о храмах Божиих, посмотреть на эти кроткие, добрые глаза. Но дальше этого наше знакомство не шло, я даже не знал, где находится квартира А.В. Но на этот раз разговор как-то перешел на святыни, находящиеся вне Успенского собора. Заговорили о восточных святынях и памятниках. И он сказал мне, что у него в квартире находится частица древа Святого Животворящего Креста Господня, подаренная ему во время его пребывания в Иерусалиме иерусалимским патриархом, с его грамотой. Видя на моем лице умиление и восторг по поводу этого сообщения, он, как человек, повторяю, необычайной доброты, тотчас же предложил мне зайти к нему на квартиру и лицезреть эту святыню. Должен признаться, что я в этот день должен был уехать в Петербург, поэтому торопился скорее домой; так что это приглашение несколько смутило меня, и я думал было отклонить его до другого, более удобного времени; но, глядя в эти светлые, полные глубокой веры и добродушия глаза, я не посмел этого сделать и решил хотя бы на минутку зайти к доброму А.В.

Квартирка, скорее келья, А.В., который живет совершенно одиноко, находится в двух шагах от Успенского собора, под колокольней Ивана Великого. Я вошел в небольшую переднюю, снял галоши, пальто, и лишь только вошел во вторую малюсенькую комнатку, оглянулся направо и обомлел от счастья, от восторга и от святого благоговения: предо мною стоял портрет, почти в нормальную величину, старца Амвросия, если не оригинал, то, во всяком случае, прекрасная копия с одного из Болотовских портретов старца. Прекрасные лучистые глаза великого старца с его доброй-доброй неземной улыбкой охватили меня восторгом какого-то поразительного счастья, какой-то необычайной духовной полноты и удовлетворенности. Я понял все, и не мог пересилить себя, опустился на колени перед этим чудным изображением, и, склонивши голову на стоявший под портретом кожаный диван, пролил слезы умиления и благодарности. Когда я тут же все чистосердечно рассказал А.В.,

мы оба поняли, что старец внял моей просьбе и благословил меня на это мое первое выступление под эгидой не «врага Христа», а «раба Христа».

Этот случай глубоко запечатлелся в моей душе, и этого великого чуда я не могу сравнить ни на одно мгновение по красоте, по полноте того духовного удовлетворения, которого не найдешь ни в каких других областях человеческого знания, не только с теми спиритическими феноменами, которые я наблюдал за долгие годы своей деятельности в этом направлении, а даже со спиритическими феноменами всего мира, от его появления до наших дней; да и не должно сравнивать, ибо это греховно, кощунственно сравнивать Божеское с сатанинским.

Скажу только одно, что сколько я ни читал самых разнообразных лекций в открытых и закрытых собраниях до этого время, в платных и бесплатных, я никогда не имел такого успеха, как с той лекцией. Несмотря на то, что очень многие предсказывали полный неуспех ее, во-первых, потому, что она не имела кричащего названия («Тихие приюты для отдыха страдающей души»), а затем – в ней трактовалось об обителях, пустынях, монахах. – *«Ведь это так неинтересно».* – Но где я ее ни читал, она проходила всегда при переполненной аудитории, а в некоторых местах ее даже приходилось повторять по два раза.

Тригорский Свято-Преображенский мужской монастырь. Фото В. Зайцева

Другой случай посмертного влияния старца мы видим в следующем эпизоде.

Одна молодая девушка, очень религиозная и серьезная, стремилась всей душой в монастырь. По окончании гимназии, она сделалась учительницей, а сама между тем стала присматриваться и прочитывать всевозможные описания разных женских обителей, но никак не могла остановиться в выборе. Много прочла она очень пространных и интересных описаний монастырей и их основательниц, но все что-то говорило ей, что это – не ее место, что не здесь ей быть, а где? Она не могла дать себе ясного отчета. В 1891 г., перелистывая полученный журнал «Нива», она увидела портрет о. Амвросия Оптинского и очень коротенькую при нем заметку о том, что старец этот скончался в устроенной им Казанской женской общине. Несмотря на то, что изображение старца Амвросия в журнале было довольно плохое, оно поразило молодую девушку. Взгляд его проницательных и вместе бесконечно добрых глаз

даже с картинки проник прямо ей в душу, и она тут же почувствовала, что должна быть в обители, основанной этим старцем. В журнальной заметке ни о самом старце, ни об обители ничего особенного сказано не было, но в душе ее уже сложилось твердое решение. Вскоре она тайно от матери, уехала в Оптину пустынь, а оттуда в Шамордино, где и осталась навсегда.

После кончины праведного старца Амвросия его место занял тоже не менее известный среди верующих посетителей Оптиной пустыни его бывший келейник старец Иосиф.

Исследуя довольно подробно и хорошо составленную биографию этого старца, изданную Казанско-Амвросиевскою женскою пустынью, можно без преувеличения сказать об этом подвижнике духа и любви к ближнему, что *«весь он был создан для служения Господу»*.

Икона Божией Матери «Знамение»

Родившись в 1837 году в семье благочестивых, простых, очень умных людей: Ефима Емельяновича и Марии Васильевны Литовкиных, Ваня Литовкин, так звали в миру старца Иосифа, – с самого раннего возраста определился своей нежной, чуткой душой, умевшей особенно быстро схватывать, понимать и чувствовать чужое горе, а затем – таким исключительным благонравием и любовью к Церкви, к Слову Божию, что очень многие замечали на

нем особую печать благоволения Божия, а некоторые прямо говорили, что из этого ребенка выйдет что-нибудь «необыкновенное».

Богоявленский женский монастырь. Кострома

Кроме того, еще с самого малого возраста, когда Ване было восемь лет, Божественный Промысел отметил его нижеследующим чудным событием.

Играя однажды с товарищами, он совершенно неожиданно как-то вдруг изменился в лице, поднял голову и руки кверху и без чувств упал на землю. Мальчика подняли, принесли домой, и, когда он пришел в себя, стали расспрашивать о случившемся. Мальчик сказал, что он увидал в воздухе Царицу.

– Да почему же ты думаешь, что видел Царицу? – спросили его.

– Да, потому, что на ней были корона с крестиком.

– Ну, а почему же ты упал?

На это мальчик потупил глаза и сказал: *«около нее было такое солнце… такое солнце… я не знаю, не знаю, как сказать»…* и заплакал.

Это видение оставило в душе мальчика глубокий след.

После этого он сделался необычайно тих, задумчив, стал уклоняться от детских игр. Взгляд его кротких глаз сделался еще более глубоким, и в его детском сердечке загорелись живая вера и любовь к Царице Небесной.

Когда Ване было четыре года, он потерял отца, а когда ему наступило одиннадцать лет, он утратил и горячо любимую им и горячо любящую его мать.

Вскоре после этого ему, как человеку безо всяких средств, пришлось искать труда; и вот началось мыканье по различным местам. Но это обстоятельство ни капли не испортило характер Ивана; наоборот, он как-то умел своей скромностью, глубокой верой и любовью к Господу, облагораживать сердца всех тех людей, около которых он вращался и у которых он служил. Наконец один из его хозяев настолько обратил на него внимание, и так полюбил его, что хотел выдать за него замуж свою дочь и передать ему все свое дело. Но путь Ивана был уже предрешен. Он отпросился на богомолье и больше не возвращался на старый путь жизни. С котомкой на плечах отправился он на поклонение в Киево-Печерскую лавру; а по

пути зашел в Борисовскую женскую пустынь, где у него была монахинею сестра. Здесь он встретился с очень мудрой и известной в то время в этой пустыни старицей, схимонахиней

Алипией, которая долго беседовала с молодым человеком, и затем сказала ему: *«Зачем тебе идти в Киев, иди в Оптину к старцам».*

Киево-Печерская лавра. Фото С. Камшилина

На следующей же день Иван отправился в Оптину и, само собою разумеется, к светильнику ее – старцу Амвросию. Говорят, что по пути к Оптиной он встретился с двумя монахинями Белевского монастыря, которые ехали туда же, и, как не знающий дороги, обратился к ним с просьбой объяснить ему: так ли он идет в Оптину? Монахини взяли его с собой, на козлы.

Приехав в Оптину, к старцу Амвросию, монахини сказали ему между прочим: *«А мы, батюшка, привезли с собой еще брата Ивана».* — Называя его в шутку братом, они имели в виду монашеские наклонности Ивана. Старец серьезно посмотрел на них и сказал: *«Этот брат Иван пригодится и вам, и нам».*

Таким образом великий старец предсказал все будущее молодого человека.

С тех пор Иван остался в Оптиной; затем сделался келейником Амвросия, и, говорят знающие его, что более высокого смирения, более поражающей, изумительной кротости, какие были у старца Иосифа, не видал никто, нигде из его современников.

Не распространяясь о его служении, о его молитвах, достаточно сказать, что о. Иосиф был точным отражением старца Амвросия и по жизни, и по учению, и отличался от последнего только внешнею формою отношения к людям.

В то время о. Амвросий был человек образованный, обладал самым всесторонним умственным развитием; по характеру был живой, общительный. Речь его была, помимо ее благодатной силы, увлекательна яркостью мысли, образностью выражения, легкостью, веселостью, в которой скрывалась глубокая мудрость, как житейская, так и духовная, – Иосиф был чрезвычайно сосредоточен, речь его была сдержанна и дышала только лишь одним святоотеческим учением.

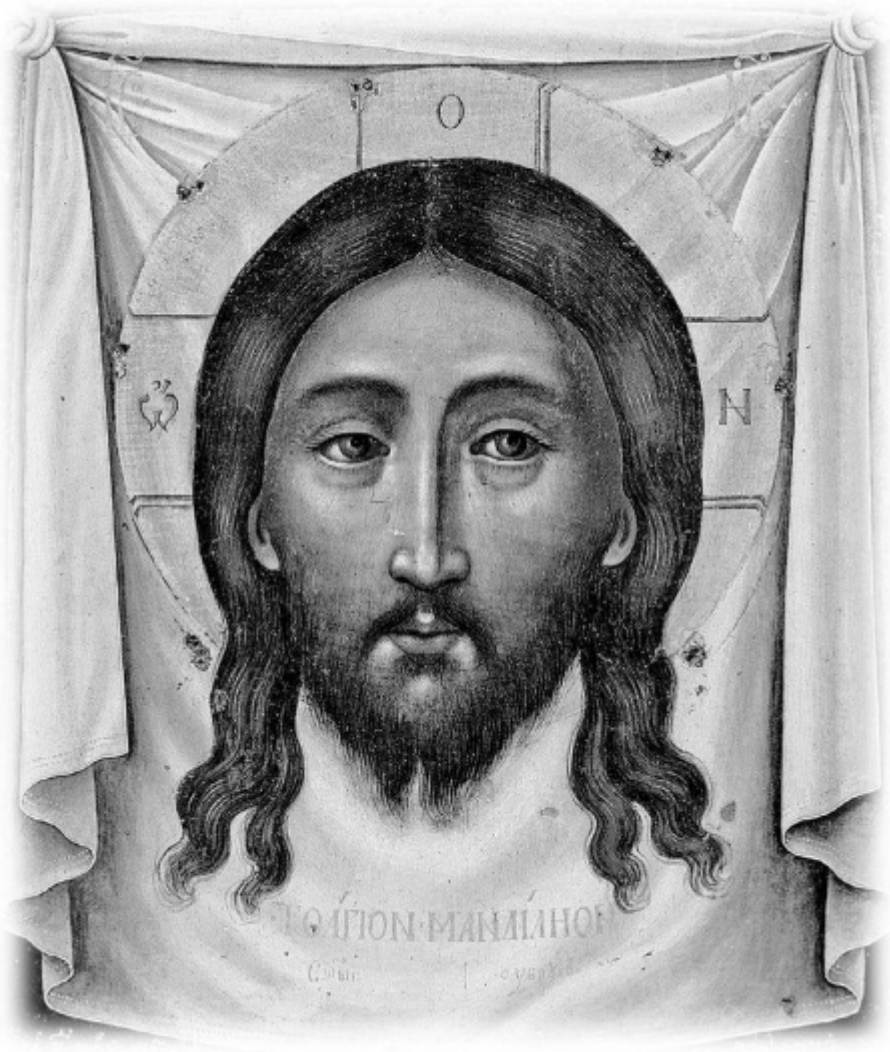
Как монах, он не допускал никаких уступок и компромиссов. Никогда не был особенно ласков, хотя был снисходителен и мягок. С более близкими, преданными ему людьми, он был, пожалуй, даже строг и совершенно непреклонен. Конечно, этот метод помогал ему вырабатывать в руководимых им абсолютную преданность, покорность и смирение.

Старец Иосиф и Л.Н. Толстой

Насколько был мудр и силен таившеюся в нем духовной благодатью старец Иосиф, можно судить по тому, что он имел очень большое влияние на Л.Н. Толстого и в период увлечения последними своими измышлениями неоднократно заставлял задумываться его над своими сильными убедительными доводами.

Во время своих неоднократных путешествий в Оптину Л.Н. беседовал с о. Иосифом часами.

И насколько сильно было влияние этого человека на душу Толстого, можно судить по тому, что последняя перед своей роковой кончиной – которая будучи задрапирована как будто близкими ему людьми, но оказавшимися потом врагами этого запутавшегося искателя правды и закрыта искусственными складками завесы, отделившей большого человека от великого преддверия истины и скрывшей от мира ту, быть может, тяжелую трагедию души, которая, инстинктивно чувствуя последние моменты пребывания на Земле, тяготела к правде, – стремилась к старцу Иосифу.



Симон Ушаков. «Спас нерукотворный». 1677

А что у покойного Л .И. Толстого эти импульсы были, это не подлежит ни малейшему сомнению, за это свидетельствуют беспристрастные рассказы, искренно правдивого гостиника, о. Пахомия, и постоянно пребывающего у ворот скита с внешней их стороны, в течение почти 40 лет, убогого Зиновия.

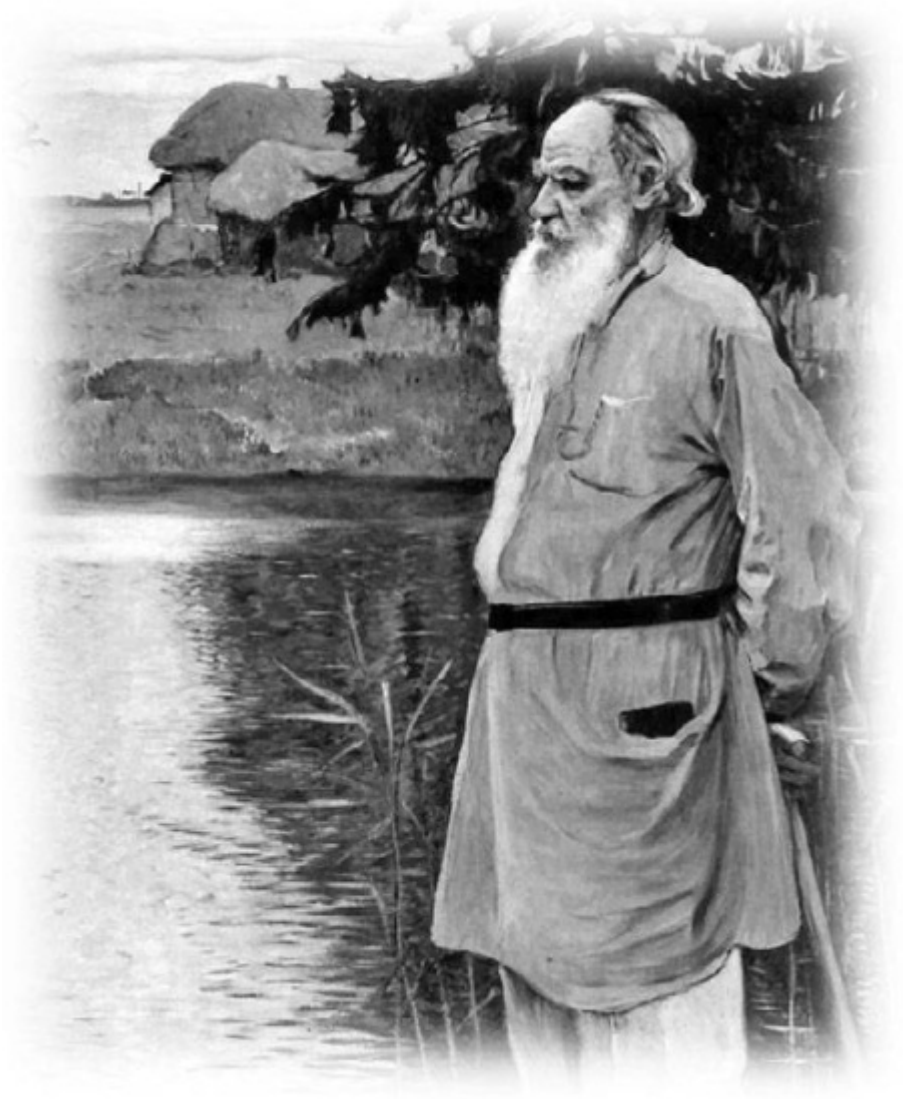
И вот что повествуют эти два беспристрастных свидетеля:

О. Пахомий. *«Л.Н. Толстой остановился в гостинице № 1, у о. Михаила. В то время старец Иосиф был так болен и настолько бессилен, что никого не принимал и почти все время лежал в постели. Толстой, как только приехал в гостиницу, тотчас же отправился к Иосифу. Хотя путь ему через святые ворота и монастырь был более близким, но – боялся ли он после своего отлучения входить в святые ворота, или просто по чему-либо другому, но только он пошел в обход, кругом монастырской стены, по той дороге, которая отделяет мою гостиницу от монастыря. Я совершенно случайно вышел за ворота и стою себе. Вдруг вижу: из-за угла выходит знакомая фигура графа. Идет средним шагом, довольно бодро. Как только он поравнялся со мной, он снял шапку и проговорил: «Здравствуй, брат». Я ему низко поклонился и ответил: «Здравия желаю, ваше сиятельство». Толстой немного было прошел мимо меня, потом вернулся и говорит: «Ты на меня не обиделся, что я тебя назвал братом ?» – Я ему говорю: «Никак нет, ваше сиятельство». – «То-то, а то ведь мы все братья, потому что у нас у всех только лишь один Отец. Поэтому я тебя и назвал братом»*.

С этими словами граф вошел в лес, по направлению к скиту.

О. Пахомий и Зиновий: *«Не знаю, знал Л.Н. Толстой о том, что Иосиф не принимает, болен или нет. Но думаю, что узнал или от о. Михаила, или от кого-нибудь из других монахов, или, может быть, от богомольцев. Быстрыми шагами направлялся он к святым вратам скита, через которые должен был пройти в келью старца Иосифа. Подошел и почти у самых врат мгновенно остановился, как будто разрешая ка-кой-то тревожный, мучительный вопрос. Долго стоял; затем, понурив голову, медленно повернул направо и еще медленнее зашагал обратно. Пройдя пять-шесть шагов, остановился снова, задумался и снова, но уже с меньшей решимостью, вернулся к святым воротам. Но лишь только близко подошел к ним, опять как будто какая-то сила остановила его. Опять долгое размышление. Снова – неохотная поступь по направлению назад. На этот раз ушел еще дальше от скита и опять остановился. Опять тяжелое, более чем первый раз, продолжительное раздумье на этом месте. Опять поворот направо, опять, но с еще меньшей решимостью, направляется Л.Н. Толстой к скитской обители. Еще раз роковая остановка, нерешительная задумчивость, и на этот раз быстрый, энергичный поворот назад и быстрое, чуть не бегом, удаление от скита. И на этот раз навсегда».*

– Не попустила Божья Сила великого грешника войти в нашу обитель!.. Серьезно, строго, с благоговейною вдумчивостью и, видимо, с верой, тяжело вздохнувши, закончил это, до боли сердца хватающее задушу, немудрое сказание, безногий, когда-то бывший николаевским солдатом, старый Зиновий; и, благоговейно взглянув на святые ворота скита, по обеим сторонам которых нарисованы во весь рост со строгими лицами первые основатели монашества, первые подвигоположники, пещерники с лопатами в руках, с кирками, как с орудиями своего служения Господу и с крестами, – снял с себя старый засаленный картуз, благоговейно осенился крестным знамением и добавил: «Не попустили, видно, святые угодники».



М. Нестеров. «Л. Н. Толстой на берегу пруда в Ясной Поляне». 1907

– Да! не попал бедняга на истинный путь православия, – вдумчиво и со слезами на глазах закончил это же повествование о. Пахомий, склонив свою седую голову на грудь: видно, так Господу угодно, а я долго скорбел, долго упрекал себя потом, что не догадался в то время пойти с ним. Я бы его довел, я бы добился до старца Иосифа, – но… видно Господь не попустил.

После отца Иосифа, скончавшегося 9 мая 1911 года видное место в старческой деятельности занял скитоначальник отец Варсонофий.

О. Варсонофий был в мире светским, широко образованным человеком. До поступления в монашество состоял на военной службе в чине полковника и нес обязанности старшего адъютанта при штабе Казанского военного округа. Еще не уходя из мира, в очень молодых годах, он пользовался советами и назиданиями о. Амвросия, а по поступлении в Оптино-Введенский монастырь в 1892 году сделался учеником скитоначальника Анатолия и помогал ему в качестве письмоводителя в переписке с его духовными чадами.

О. Варсонофий был человек высокой богословской начитанности.

По внешнему виду он очень напоминал одного из евангелистов.

Все его лицо носило на себе отражение великой думы, высокой воли, недюжинного ума, глубокого чувства и безгранично сильной веры.

Портрет преподобного Варсонофия (Плиханкова),старца Оптиной пустыни. 1913

Но что особенно поражало и приближало к нему – это его глаза. В них таился какой-то глубокий проникновенный свет. Стоило только раз попасть под взгляд о. Варсонофия, чтобы почувствовать на себе всю чистоту и боговдохновенность этого человека.

До вступления на путь старчества о. Вар-сонофий во время японской войны был командирован в Маньчжурию в качестве одного из госпитальных иеромонахов. Здесь о. Варсонофий снискал к себе общую любовь, и по возвращении в обитель он уже выступил на путь старчества, где, в особенности в последние семь-восемь лет, он нес на себе бремя старчества и иночества, отдавая всего себя на служение Господу Богу.

Старчествуя почти одновременно с о. Иосифом, о. Варсонофий отличался даром прозорливости, как и его великие сподвижники.

Последние годы о. Варсонофию пришлось пережить очень много тяжелых минут, как и всякому Божию избраннику, от клеветы, всевозможных хулений, оскорблений. Но, строго следуя законам духовной жизни, о. Варсонофий относился к этому чрезвычайно смиренно и переносил это как один из путей вящего очищения себя перед лицом Бога Живого.

В 1912 году по желанию Св. Синода он был переведен в качестве архимандрита в Старо-Го-лутвенскую обитель, Московской губернии, где также продолжал, помимо несе-

ния бремя настоятельства, обязанности старца для мирян, и обязанности руководителя, принятой на себя обители.

С переходом старца в эту последнюю обитель к нему перешло очень много из его почитателей.

Но недолго пришлось поработать на Божьей ниве, на новом месте этому великому подвижнику духа. 1-го апреля 1913 года он после тяжкой болезни отошел в иной мир.

Не знаю, насколько это верно, но мне пришлось услышать после его смерти рассказ о том, что будто бы старец Иосиф в одной из своих бесед сказал о. Варсонофию, что если он по какой-нибудь причине оставит Оптину пустынь и перейдет в другую обитель, то он больше года там не проживет.

И предсказание это исполнилось в точности.

Теперь перейдем к описанию старцев, ныне работающих на Божьей ниве в Оптиной пустыни.

Когда я первый раз прибыл в Оптину пустынь, то, само собою разумеется, центром моего исключительного внимания были старцы.

Если уж старец Герасим произвел на меня такое глубокое впечатление, то, вне всякого сомнения, сила этого впечатления в Оптиной должна была повлиять на меня неотразимо сильнее, и глубже проникнуть в сердце.

И я не ошибся.

Тотчас же по прибытию, как только я узнал о том, что в Оптиной старчествуют три старца: Феодосий (скитоначальник), о. Нектарий и о. Анатолий, я решил прежде всего отправиться к о. Феодосию.

Как я сказал уже выше, прием старцами мужского элемента производится изнутри скита. Я вошел в святые ворота, отворил их, и предо мной открылась чудная картина роскошного, обильного цветами сада, которые доходили своим ростом до полного роста человека, и насыщали воздух таким ароматом, что можно забыть в буквальном смысле слова все окружающее.

Прямо против меня стояла небольшая деревянная, но чрезвычайно своеобразной архитектуры церковь – это храм Предтечева скита, отличительная особенность которого заключается в том, что внутри его все решительно сделано из дерева, и, как говорят, самими монахами. Кроме того, все иконы в церкви не имеют на себе так называемых риз а открыты всей своей живописью.

По обеим сторонам дорожки, от святых ворот, к скитской церкви, в начале ее, на одной стороне, направо – келья о. Нектария, а налево – келья скитоначальника, старца Феодосия. Направившись к последнему, я позвонил. Выходит келейник и просит меня войти. Когда я вошел, передо мною был длинный, очень чистый коридор, увешанный всевозможными текстами из Священного Писания, поучения монахам и приходящим мирянам. Направо была большая комната. Я вошел в нее. Передний угол наполнен образами, налево у стены большой кожаный диван, над ним портреты: большой старца Амвросия, лежащего на кровати, затем Варсонофия, а дальше различных епископов и вообще лиц известных как в Оптиной пустыни, так и в других обителях. Через короткий промежуток времени ко мне вошел старец Феодосий, человек высокого роста, с очень густыми, с большой проседью, волосами, с небольшой бородкой и очень красивыми глубокими вдумчивыми глазами.

Церковь во имя явления Казанской иконы Божией Матери Оптина пустынь

Необходимо заметить, как я сказал раньше, я и здесь, из ложного опасения и считая для себя вопрос о спиритизме уже законченным, приступил к старцу, ничего не говоря о своей деятельности по спиритизму, с вопросами, тесно связанными с моей литературной и лекционной деятельностью.

И здесь я, как и у старца Герасима, снова самолично наблюдал поразительную силу духовного опыта и провидения старцев.

Передо мной был человек огромного духовного опыта и широко образованный. Благословляя меня на работу популяризации христианско-нравственной этики, он преподал мне чрезвычайно много ценных советов; снабдил меня указаниями и назиданиями, которые, как уже я вижу теперь, были так необходимы, так нужны мне.

А когда я предложил ему целый ряд вопросов, касающихся переустроения моей личной жизни, то чувствовалось – по крайней мере, у меня осталось такое впечатление, – что старец какими-то внутренними импульсами проник в мое прошлое, оценил мое настоящее и, преподавая советы для будущего, из чувства деликатности, а быть может, и сожаления, не хочет касаться больных вопросов моей сущности. Преподав мне свое благословение, он предложил мне побывать у старца Нектария.

Я сначала было отказывался от этого; во-первых, из опасения, чтобы не нарушить то впечатление, которое создалось у меня от этой беседы, а во-вторых, опять-таки в силу указанного выше разъяснения преподобных отцов Варсонофия Великого и Иоанна, что переспрашивать по два раза старцев об одном и том же, равно как и переходить от одного старца к другому не следует; ибо в первом случае старец, несомненно, говорит по наитию свыше, а во втором примешивается работа рассудка.

Тем более что я из беседы старца Феодосия по его ответам на чрезвычайно сжатые вопросы; на вопросы, в которых хотя я тщательно обходил все, что касается моей бывшей постыдной деятельности, этот широко развитой, озаренный благодатною силою Христа ум дал мне то, что не мог дать простой человек.

И я был умиротворен, поражен и изумлен. Но старец Феодосий как будто даже настаивал на том, чтобы я непременно побывал у старца Нектария.

– Знаете, если вы даже побудете на порожке у этого великого по смирению старца, то и это, кроме Божьего благословения, ничего не дает вам.

Я решил исполнить то, на чем настаивал старец. Перейдя через дорожку, я направился к подъезду старца Нектария. Позвонил. Передо мной тотчас же отворилась дверь. Когда я вошел в коридор, я увидел много мужчин, сидевших и стоявших, очевидно, в ожидании старца.

Необходимо заметить, что в это время был особенно большой наплыв посетителей у старцев, поэтому, как говорится, все было переполнено.

Келейник провел меня в особую комнату, где я сел в ожидании о. Нектария.

Я ожидал очень недолго. Через какие-нибудь 10-15 минут я услыхал, как в передней все зашевелились. Встал и я, приблизился к двери и вижу, как, направляясь ко мне, идет старец, человек очень невысокого роста, в таком клобуке на голове, в каком обыкновенно пишется и рисуется старец Амвросий. Это был старец Нектарий.

Благословивши всех, он подошел ко мне и со словами: *«Пожалуйте»* ввел меня в свою келью.

Точно такая же обстановка, как и в келье старца Феодосия. Иконы. Портреты. Направо большой старинный развалистый диван, накрытый чехлом. Неподалеку столик, на котором лежат несколько книг духовной литературы. Старец Нектарий усадил меня на диван, а сам сел со мной рядом в кресло.

По виду старцу Нектарию нельзя дать много лет. Небольшая бородка почти не изменила своего природного цвета.

Но, говорят, на самом деле он очень стар и уже переходит за седьмой десяток.

Странное впечатление на посетителей производят глаза старца, в особенности во время беседы. Они у него очень маленькие; вероятно, он страдает большой близорукостью, но вам часто кажется, в особенности когда он сосредоточенно вдумывается, что он как будто впадает в забытье. По крайней мере, таково было мое личное впечатление.

В то время как старец Феодосий вырисовывается в ваших глазах человеком живым, чрезвычайно скоро реагирующим на все ваши личные переживания, – о. Нектарий производит впечатление человека более флегматичного, более спокойного и, если хотите, медлительного.

Так как посещение этого старца послужило окончательным разрешением всех моих переживаний, я постараюсь по возможности точно воспроизвести смысл моей беседы с ним.

– Откуда вы изволили пожаловать к нам? – начал медленно, тихо, спокойно говорить о. Нектарий.

– Из Москвы, дорогой батюшка!

– Из Москвы?..

В это время келейник старца подал ему чай и белый хлеб:

– Не хотите ли со мной выкушать стаканчик чайку? Дай-ка еще стаканчик!.. – обратился он к уходившему келейнику.

Владимирская икона Божией Матери. 1548–1549

Я было начал отказываться, говоря, что ему нужно отдохнуть. Что я не смею нарушать его отдыха. Но батюшка, очевидно, вовсе не имел в виду отпустить меня и со словами: «*Ничего, ничего*, *мы с вами побеседуем»,* — придвинул ко мне принесенный стакан чая, разломил надвое булку и начал так просто, ровно, спокойно вести со мной беседу, как со своим старым знакомым.

– Ну, как у вас в Москве? – было первым его вопросом.

Я, не зная, что ответить, сказал ему громкую фразу:

– Да, как вам сказать, батюшка; все находимся под взаимным гипнозом.

– Да, да… Ужасное дело этот гипноз. Было время, когда люди страшились этого деяния, бегали от него, а теперь им увлекаются… извлекают из него пользу…

И о. Нектарий в самых популярных выражениях прочитал мне целую лекцию, в самом точном смысле этого слова, о гипнотизме, ни на одно мгновение не отклоняясь от сущности этого учения в его новейших исследованиях.

Если бы я пришел к старцу хотя бы второй раз, и если бы я умышленно сказал ему, что я – спирит и оккультист, что я интересуюсь между прочим и гипнотизмом, я, выслушавши эту речь, мог бы со спокойной душою заключить, что старец так подготовился к этому вопросу, что за эту подготовку не покраснел бы и я, человек вдвое почти моложе его.

– …И ведь вся беда в том, что это знание входит в нашу жизнь под прикрытием как будто могущего дать человечеству огромную пользу… – закончил о. Нектарий.

В это время отворилась дверь, вошел келейник и заявил: «*Батюшка, вас очень дожидаются там».*

– Хорошо, хорошо, сейчас, – проговорил старец, а затем, немножко помедлив, продолжал, обращаясь лично ко мне:

– А вот еще более ужасное, еще более пагубное для души, да и для тела увлечение – это увлечение спиритизмом…

Если бы в этой келье, где перебывал целый ряд подвижников-старцев Оптиной пустыни, раздался сухой, металлический, знаете – бывает иногда такой в жаркие летние, июньские, грозовые дни, – раскат оглушающего удара грома, он бы не произвел на меня такого впечатления, как эти слова Боговдохновенного старца.

Я почувствовал, как у меня к лицу прилила горячая волна крови, сердце начало страшно усиленными ударами давать знать и голове, и рукам, и ногам, и этому дивану, и, даже кажется, самому старцу, о своем существовании. Я превратился в одно сплошное внимание. Замер от неожиданности. И мой, привыкший к подобного рода экстравагантностям, рассудок, учтя все те физиологические и психологические импульсы, которые мгновенно дали себя знать при первых словах старца, сказал мне: «*Слушай, это для тебя».*

И действительно, – это было для меня.

Икона Божией Матери с младенцем в Свято-Троицком православном монастыре. Рига

Старец, не открывая глаз, нагнулся ко мне и, поглаживая меня по коленам, тихо-тихо, смиренно проговорил: *«Оставь… брось все это. Еще не поздно… иначе можешь погибнуть… мне жаль тебя»…*

Когда я пришел в себя, первым моим вопросом к старцу было: что мне делать? Старец тихо встал и говорит:

– На это я тебе скажу то же, что Господь Иисус Христос сказал исцеленному Гадаринскому бесноватому: «Возвратись в дом твой и расскажи, что сотворил тебе Бог».

– Иди и борись против того, чему ты работал. Энергично и усиленно, выдергивай те плевелы, которые ты сеял. Против тебя будет много вражды, много зла, много козней сатаны, в особенности из того лагеря, откуда ты ушел, и это вполне понятно и естественно… но ты иди, не бойся… не смущайся… делай свое дело, что бы ни лежало на твоем пути… и да благословит тебя Бог!..

Когда я вышел, к очевидному удовольствию келейника и ожидавших старца посетителей, я уже был другим человеком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.